

Л. Шпыркова

Круиз золотой рыбки

«Автор»

2024

Шпыркова Л.

Круиз золотой рыбки / Л. Шпыркова — «Автор», 2024

Мы видим с высокого берега, как белый теплоход плывет по Волге, вода синяя

© Шпыркова Л., 2024

© Автор, 2024

Л. Шпыркова

Круиз золотой рыбки

В этот вечер я задержалась у мамы допоздна, и возвращалась к себе в одинокую квартиру на окраине городка последней электричкой. Вагон был пуст, не считая меня да еще пары пассажиров. Ехать оставалось минут пятнадцать, когда мой мобильник пискнул, извещая, что пришло сообщение. Увидев, кто его прислал, я чертыхнулась. Это опять был он, настойчивый поклонник. На сей раз он написал нечто иное, чем обычно. Текст гласил:

— Я все равно тебя найду.

И противный смайлик с отвратительной усмешкой накачанного монстра вместо подписи.

Я ответила:

— Никогда. Я прошу оставить меня в покое.

В ответ он прислал звуковое сообщение, от которого мне стало не по себе:

— Я рядом с тобой, детка.

Это звучало в замедленном темпе. Вот урод!

Выйдя на своей станции, я оглянулась. И не зря: из дальней двери моего вагона вышел какой-то мужчина. Я заторопилась к лестнице, ведущей от платформы к узкой лесополосе. До ближайшей улицы нужно было пройти сто шагов, а там уже светили фонари. Но как нарочно, после дождя от земли поднимался туман, и свет фонарей не достигал земли. Я бросилась бежать, чувствуя себя примерно как олень, на которого вот-вот спустят свору собак. Но стаи псов не было, зато мужчина был, я затылком ощущала его. Один переулок, второй, вот уже видна моя пятиэтажка. Дрожащими руками я пыталась открыть дверь подъезда, ключи упали на тротуар. Да что ж такое!

Я повернулась, готовая встретить маньяка во всеоружии. Но что у меня было, кроме коленки, чтобы вдарить куда надо, да осипшего голоса? Ничего.

Но рядом никого не было.

Часть первая. Подарок судьбы

1. Халява, плиз

Утро не задалось. Начать с того, что я проспала и опоздала на работу. В семь тридцать мобильник надрывался, пытаюсь меня разбудить, и солнышко светило прямо на подушку, но все было напрасно. Но тут к трезвону и солнечному лучу пришел на подмогу городской телефон. И это спасло меня от увольнения за очередное опоздание. Телефон трезвонил, пока я на шаривала ногами тапки, потом брела в коридор, откуда доносился звонок.

– Алло? – спросила я и откровенно зевнула в трубку.

– Ульянка, милая, как дела?

Хотя трубка у меня плохого качества, ошибиться было трудно – голос был женский и принадлежал Алине.

– Дела? Нормально, – неохотно ответила я и посмотрела на себя в зеркало, висящее над тумбочкой. На щеке остался отпечаток подушки, а в углу носа краснел маленький прыщик. Я приблизила лицо к зеркалу, пытаюсь разглядеть его. Странно, что она мне позвонила – обычно, когда материальное положение одной из подруг взлетает на недостижимую для второй подруги высоту, спустя короткое время их отношения прерываются. Я была к этому готова, хотя мы дружили с детства. Первые санки, первые любовные страдания, общие шпаргалки на экзаменах – может, это все-таки не так просто забывается? Нет, ей что-нибудь от меня нужно, иначе она бы не позвонила.

– Ты слышишь меня?

– У-гу, – ответила я, продолжая рассматривать себя в зеркале. – А ты чего чуть ни свет ни заря? Случилось что-нибудь?

– Много чего. Слушай, давай я тебе ближе к обеду позвоню.

– Звони, у меня мобильный тот же, – сказала я и повесила трубку. Вот в этом вся Алина – может заинтриговать и бросить на самом интересном месте. Но за одно я точно могу сказать ей спасибо: мне через пять минут выходить, а я не то что не оделась – даже не умылась.

Я с космической скоростью натянула на себя джинсы и топик, схватила сумку и помчалась к остановке. Держась за поручень и подпрыгивая на лежащих полицейских вместе с несчастным автобусом, который был ровесником моей бабушки, только не так хорошо сохранился из-за наших дорог, я размышляла о своей на корню загубленной молодости. Было от чего прийти в уныние: личная жизнь не налаживалась даже в Интернете, после нескольких неудачных знакомств я твердо уверовала, что официальный процент психов и маньяков в нашей стране сильно преуменьшен. Мне не семнадцать – тот наивный возраст в прошлом, но я еще молода и, как пообещал классик, буду молода еще лет пять или семь. Но эти годы стоит прожить так, чтобы потом было мучительно стыдно, чтобы было от чего заливаться краской в старости, а не жалеть, что так бездарно они пролетели. Но это я на словах такая, думала я, подпрыгнув на очередном лежащем полице, завалившись при повороте на интеллигентного вида девушку, читающую Кафку. Сквозь очки на меня посмотрели ее умные глазки, как на объект, достойный жалости. Это меня доконало. Надо что-то делать со своей катящейся под откос жизнью. Сегодня же объяснюсь с Родионом Петровичем, и будь что будет! Накраситься толком я успею, он предупредил, что будет с утра в банке, только не сказал, в какой. Это шутка такая для офисного планктона. Успею и кофе выпить, и даже пыль с моего компа стереть – уборщица недавно уволилась, так как задержку зарплаты эта категория наемных работников не прощает, в отличие от остальных. Чем выше статус работника, тем он терпеливее – это я давно заметила. Вот и наш офис – частное сыскное агентство, прячущееся в арке дома. Несведущему человеку и в голову не придет, что это обиталище современного Шерлока Холмса, молодого Фандорина и сыщика Путилина – все эти ипостаси моего начальника и работодателя. Правда, внимательного человека заставил бы задуматься кодовый замок, очень современный, но кто станет в потемках разглядывать непрезентабельную железную дверь, за которой может оказаться хранилище метл и лопат для уборки снега? А уж камеру наблюдения вы и вовсе не заметите, так искусно она спрятана.

– Доброе утро, Верочка, – поздоровалась я с секретаршей. Наша королева красоты сидела, уткнувшись в свои бумаги, и даже головы не приподняла, будто я была бесплотным невидимкой, случайно залетевшим в контору.

– Очень доброе, – все же ответила она. – Вас Родион Петрович спрашивал.

– А разве он тут?

– Да.

– Черт, он же в банк собирался! – ругнулась я, ставя сумку на стол.

– Документы забыл вчера взять, – пояснила Верочка, и посмотрела на меня. – Что с вами, Ульяна, вы так неважно выглядите?

Вот люблю я честных людей, они вам правду-матку так врежут, что долго икать будете.

– Что, настолько плохо?

– Ну...вообще-то лучше, чем вчера.

– Спасибо за правду. С такой работой увянешь на корню.

– Правда? – забеспокоилась красотка. – А почему?

– Тут у нас экология, видно, плохая. У вас голова не болит?

– Нет пока.

– Заболит, как миленькая. Судите сами – кондиционеры куплены бэушные, на стенах пластик, помещение маленькое. Я пришла сюда шесть месяцев назад цветущей, как вы, Верочка, а посмотрите, кто я сейчас? Бабка Ёжка.

Я выхватила из сумки расческу и провела по взлохмаченным волосам, глубоко вдохнула и сделала два шага в направлении кабинета Родиона Петровича. Постучав, я оглянулась на погрузневшую сотрудницу.

– А-аа, Ульяна, входите.

Как и ожидалось, я получила выговор в устной форме.

– Если вы не прекратите опаздывать, нам придется взять другого сотрудника, Ульяна, – сказал Родион Петрович.

Он был очень сердит.

А я сидела и вытирала непрошенные слезы, шмыгала распухшим носом и упорно смотрела на его ноги, передвигавшиеся по комнате. Я не могла смотреть на этого бездушного человека. Это ему я вознамерилась намекнуть о своих чувствах, а вышло, что он мне намекнул на увольнение. Вот и объясняйся после этого!

– Ладно, Ульяна, успокойтесь.

Я тяжело вздохнула.

– Но я... мне что, увольняться?

— Ну почему же. Продолжайте работать, я же обещаю забыть этот ... ммм... инцидент.

– Но как же... другого сотрудника брать... вы сказали.

– Я не совсем это хотел сказать. Если вы хотите, чтобы ваш рабочий день начинался не в девять, а в десять, кто-то должен вместо вас сидеть в офисе? Нам придется кого-то брать, а это лишние затраты, и вычитать их придется, как вы думаете, из чьей зарплаты?

– Я больше так не буду, – покаялась я.

– Ну вот, так-то лучше, и не надо плакать. Можете идти на свое рабочее место. Только приведите себя в порядок!

Я вышла и наткнулась на взгляд Верочки, секретарши и бухгалтера Родиона Петровича. Она ахнула, разглядев на моем лице результаты воспитательной беседы.

– Ульяна, вас уволили? – спросила она, театрально раскрыв глаза.

– Пока нет, решили подождать. Дали шанс, так сказать. Добрый у нас начальник.

– Это правда, – со вздохом согласилась Верочка и погрузилась в задумчивость. Такой красоте место на крайняк в мэрии, а она пришла в агентство работать, где низкая зарплата и ненормированный рабочий день. Чего она тут забыла? Ну ладно, если честно, у меня нормированный, а у Родиона Петровича и оперативника и заодно компьютерного гения Сашки бывают авралы. Сашок готов сутками сидеть в Сети, если надо нарыть информацию либо компру на очередного подозреваемого или объект слежки. Он прекрасно водит машину, разбирается в подслушивающих и записывающих устройствах, быстро соображает. Но у него есть изъян, правда, какой, я долго не понимала. С чего бы этому продвинутому хакеру трудится в частном сыске? Однажды задав этот вопрос себе, я тут же предположила, что Сашок попался на незаконных операциях, и оказалось, была права. Паренек задумал аферу, но был вовремя остановлен, не успев ее совершить, и согласился работать на Родиона Петровича, сначала нехотя, но потом втянулся, купившись на сомнительную романтику. А вот Верочка для меня пока загадка. Я про нее ничего не знаю, ни кто ее рекомендовал, ни где она раньше трудилась. Работает она у нас всего неделю, и у нее еще не вышел испытательный срок. Может, она боится, что ее уволят? И придется вернуться на панель? Или в город на Алтае?

Я достала из сумочки косметичку и принялась приводить лицо в порядок, а Верочка поднялась. Собирается идти подписывать бумаги, ясен перец, но боится. Знала бы она, какой шеф на самом деле лапочка! Помню наше первое, так сказать, свидание. Я пришла на собеседование после телефонного звонка. Не просто пришла, а примчалась. Еще бы – после стольких

месяцев без работы побежишь хоть куда. Обшарпанная, хотя и крепкая дверь в арке многоэтажного дома несколько обескураживала. Но, войдя, я поняла, что попала куда надо, а при первом же взгляде на двух мужчин – одного лет так тридцати восьми, и второго совсем юного парня, тревоги показались напрасными, от сердца отлегло. На парнишку я как – то не отреагировала, зато при виде интеллигента с худощавым лицом и внимательными карими глазами у меня сладко заняло в груди. Но его строгость привела меня в чувство очень быстро. Стало понятно: с этим служебный роман не закрутишь. Офис был достаточно хорошо оборудован – явно, недавно сделали ремонт, и вообще все было как с иголочки. Поэтому и взяли человека с улицы, то есть первую позвонившую, которая обладала нужными навыками. С компом на ты, печатаю вслепую, знаю основы бухучета. Мы познакомились, и я сразу приступила к работе. Посыпались звонки, это были опоздавшие кандидатки, которым я очень вежливо объясняла, что вакансия занята, а сама мысленно хвалила себя за расторопность. А потом они нашли эту блондинку с огромными глазками. Прямо бриллианты в сто каратов.

Верочка, повернув ко мне свое красивое кукольное личико, спросила:

– Как вы думаете, он все еще не в духе?

– Кто? Родион Петрович? Да вроде бы. Хотя он отходчивый. Идите, Верочка, вас он не съест.

Она пошла к начальнику, а я налила себе кофе. Этот напиток меня всегда успокаивает. Когда подносишь чашку с лицу и вдыхаешь запах, то в этот момент ты ни о чем не думаешь. Я усердно нюхала кофе, но горькие мысли по – прежнему не оставляли меня. Вот интересно, почему он так со мной обошелся? Когда брал на работу, обещал с каждого дела процент отчислять, и вот тебе на. Разве я виновата, что криминал идет на убыль? В нашем городке сейчас новый мэр, и криминалитет притих. Да, дела в нашей маленькой конторе обстоят сейчас самым не лучшим образом. Клиентов нет, в работе затишье. Есть от чего быть не в духе. Нам же надо зарплату платить, а с чего? А тут я я влезла с опозданием, он и разозлился.

Мой мобильный заиграл в сумке мелодию, которая никак не соответствовала ни настроению, ни положению дел. Надо бы не вальс Мендельсона закачать, а похоронный, подумала я, нажимая зеленую кнопку. Она не срабатывала. Я потрясла телефон. Давно пора его выбросить. Как только заработаю, куплю себе планшет.

– Алло!

– Привет, Ульяновка.

Это была Алина, моя подруга. Так и хочется сказать: бывшая, но я все еще эту гадину люблю и страшно по ней скучаю. Но обида живет в сердце, раненом ее коварством и подлостью.

– А – аа, это ты. Привет.

Я замолчала. Говорить должен позвонивший, а не тот, кому звонят. Это я одного писателя вычитала. К тому же с Алиной мне сейчас хотелось общаться меньше всего.

– Чего такая кислая? Все еще злишься?

Еще как злюсь, дорогая подружка! Но вслух я это не стала произносить. Мы и так почти читаем мысли друг друга, без озвучки.

– Да нет. Ты чего, говори скорей, а то у меня работы по горло.

– Ты на работу устроилась? Поздравляю!

– Спасибо.

– И что за фирма?

– «Секрет».

– Не хочешь, не говори. Вот вредное ты существо, у меня от тебя нет никаких секретов.

– «Секрет», – повторила я. До этой умницы никак не дойдет, что это название конторы.

– Попугай. Ладно, слушай сюда. Полгода уже работаешь?

– Да, а что?

– Бери дуй ко мне, я тебе приготовила сюрприз. Давай встретимся в кафе на площади и поговорим.

– Ну, не знаю. Меня могут не отпустить. А вообще-то могут, но шеф сейчас не в настроении. Хотя ... Ладно, уговорила.

– Так ты давай побыстрее подваливай, я жду.

До кафе было десять минут пешком, но я не торопилась. Погода была хорошая, отчего было не прогуляться? Светило солнышко, чирикали воробьи. Легкий ветерок освежал, а на небе плыли такие облака, которые можно увидеть только летом в деревне, да на картинах живописцев. Но люди на небо не смотрят, все какие-то озабоченные, глядят под ноги, словно надеются найти клад. Зато дети, хоть на небо не смотрят, чувствуют, как хорошо, они кричат так, что сердце радуется. Интересно, почему это детишки меня стали умилять? Не знак ли это, что пора самой завести малолетнее чадо? От этой мысли меня немного передернуло. Сопли, пеленки-распашонки, памперсы, смеси, брр-рр. Нет, рановато мне. Во-первых, не нагулялась, как говориться. Во-вторых, кто кормить нас с малышом будет? Нужен достойный мужчина со стабильной зарплатой или хотя бы со средствами. На особняк я не претендую, дом на окраине города подойдет, или квартирка, хотя бы в новостройке. Но главное – чтоб человек был хороший. Так твердит моя бабушка, выросшая при старом режиме и со старыми предрассудками. Хотя мама тоже такая. Это из-за них я, кстати, в девках засиделась: все высматривали, с тем ли парнем встречаюсь, вот всех и отпугнули. Замуж надо было выскакивать сразу после школы, на молоденьких, даже страшненьких, найдется мужичок. А я отнюдь не дурнушка. Вполне себе на уровне. Только запустила себя за последний год, а все из-за Алинки. Таковую она лучшей подруге "козью морду сделала", что та впала в депрессию. Хорошо, бабуля подкинула денег на курсы, а то бы я сдулась, как шарик с дыркой.

Да, к подруге у меня есть счет. Так что пусть ждет. Деваться ей некуда, если позвонила, значит, приперло, я-то ее хорошо знаю. По-хорошему, надо было ее послать подальше, но интересно, зачем это я ей так срочно понадобилась? Может, очередной подвох? За ней не заржавеет. Буду настороже.

Мы были подругами с первого класса школы. Она меня защищала даже перед учителями, не говоря об обычных разборках. Одно время в нашей школе стало привычным делом драки между девчонками. Для "перетерок" собирались на пустыре, вставляли в круг и обвинительная сторона начинала выдвигать претензии. Если у обвиняемой не было собственной команды, то ее просто лупил кто – то, а остальные смотрели и вовремя останавливали. Я была в команде Алины, где она верховодила. Если бы не этот факт, я с моей скромностью была бы бита не один раз. Но за крышу пришлось платить, и на все дискотеки Алина ходила в моих прикидах, которые привозил отец из командировок. Некоторые тряпки я даже примерить не успевала, отдавая их безропотно лучшей подруге. Она также навострилась списывать у меня не только домашку, но и контрольные, для чего мы выработали целую систему. Но после школы все пошло наперекосяк. Несколько раз мы серьезно ссорились, но жить друг без друга, как мне казалось, не могли. Но потом настал период охлаждения. Тогда всем было плохо, а мне особенно, потому что умер отец, которого я очень любила.

Вспоминая все это, я не заметила, как дошла до нашего кафе. Но теперь это заведение было не узнать, его выкупил новый предприниматель, провел реконструкцию, и, если бы не знакомая улица, я бы не признала этот "приют благородных девиц". Отдельные столики – не столики уже, а столы с дубовыми скамейками, прям как в лучших фильмах про столичную богему, сбоку экран, как в стоматологической кинике доктора Сверлова, стойка с барменом, протирающим высокие стаканы, набор бутылок на полках за его спиной. Ёж твою мать! Это все навевало ностальгию по старым временам. Когда тут драки случались каждую пятницу, лишь солнце закатится, а нож мог запросто распороть рубашку вместе с животом.

Алина сидела за столиком в углу. Я подошла, кинула сумочку на сиденье, взглянула пытливым взглядом на предательницу.

– Привет, – сказала я, растянув губы в подобие светской улыбки, подсмотренной в одном из зарубежных сериалов.

– Привет, Ульянка. Садись, не отвечивай. Сейчас нам кофе принесут, я уже заказала.

– А повертись-ка сынку, – потребовала я. Это тоже был наш давнишний ритуал: давать оценку одна другой. Алина встала. Выглядела она сногшибательно, одета по последнему воплю моды. На ней были модные брючки, легкая блузка до пупка, а уж босоножки на ногах наверняка стоили бешеных денег. Стрижка, впрочем, у нас была одинаковая, я свою сделала на прошлой неделе, увидев ее на сайте в Интернете, причем стригла меня мама, в то время, как бабушка суежилась вокруг нас, помогая советами. Надо отдать Алине должное – она не стала делать эффектных пауз, чтобы дать мне возможность высказать восторги по поводу ее вида.

– Хорошо смотришься.

– Ты тоже ничего, – вяло отреагировала она, в свою очередь посмотрев на меня. Это она из вежливости меня похвалила. На мне были джинсы и футболка и надписью на французском языке. Несмотря на то, что моя маман преподавала этот язык, я его не знала. В школе у нас был английский, а учить себя родной маме я просто не позволила. Волосы я до последней поры прихватывала резинкой в хвостик, так очень удобно: не лезут на глаза, но вид от этого становится как у троечницы с задней парты. Правда, в последнее время, задумавшись о том, почему шеф во мне не видит девушку, а видит только сотрудницу, я стала больше внимания уделять своей внешности. Но заметил это только Сашка, наблюдательный он паренек, что и говорить.

– У тебя что-то стряслось? – спросила я, усаживаясь напротив. Всю дорогу я гнала от себя мысли о возможных неприятностях школьной подруги. Потому что, начни я их предполагать, на меня бы накатило чувство глубокого и неодолимого удовлетворения, а опускаться до этого не хотелось.

– Все одно к одному. Во-первых, мать заболела.

– Seriously? Чем?

– Какая тебе разница? Я не могу ее взять и бросить.

Я вытаращила глаза:

– Ну и не бросай.

– Ну и не брошу.

Алина достала помаду и стала подкрашивать губы, глядя в искаженное отражение своих губ на поверхности солонки. Ее руки слегка дрожали. Маникюр на ногтях был не сегодняшней, кое-где лак слетел, один ноготь был сломан. У нее явно было что-то не в порядке, хотя по одежде этого сказать было нельзя.

– И не брошу, за ней нужен уход. Только не спрашивай меня, что с ней, я тебя очень прошу!

От такой плюшки я просто онемела. Полину Феоктистовну я знала с пеленок. Правда, наши мамы не дружили, но хорошо знали друг друга. Моя преподавала в университете. Мать Алины была завхозом на крупном промышленном предприятии. Отец оставил их семью, когда дочка пошла в детский сад, о его уходе из семьи, помню, судачил весь двор. Он поехал в другой город в командировку и там нашел женщину. Это позднее я поняла, что это женщина. Мать Алины говорила: бабу себе нашел. Я тогда представляла: идет человек по зимнему лесу, ноги в валенках из сугробов вытаскивает. Выходит на поляну, а там – снежная баба, нос – морковка, на голове ведро. Он берет ее за холодную толстую руку и говорит по-французски: Мадам, будьте моей женой. Дальше мое воображение давало сбой. Мы с Алиной никогда не говорили про ее отца, а Полина Феоктистовна, кстати, очень полная из себя, скоро, как мне тогда показалось, забыла смертельную обиду. Алина росла сорванцом, всегда меня защищала

от обидчиков. Я была ее тенью, ее собачкой почти до седьмого класса. Но потом я влюбилась в одного мальчику, и она... но это, как говорится, отдельная история.

Сейчас я вглядывалась в лицо подруги и видела на нем, несмотря на хорошую косметику, следы недосыпаний, скрытое раздражение и неуверенность, весьма ей несвойственную. Она докурила сигарету и ткнула ее в пепельницу, плохо загасив. Дымок, гораздо более зловонный, чем выдыхаемый дым, коснулся моих ноздрей, и я чихнула.

– Ты что, простужена? – тут же оживилась подруга. – Вид у тебя припухший. Иль пила всю ночь?

– Кто? Я? Я не пила. А надо бы напиться. Давай напьемся, Алина. Только ты заказывай, а то мне зарплату давно не выдавали.

– А что случилось –то? У тебя проблемы?

– Зарплату задерживают, а так все Окей.

– Фирма большая, или так себе? Начальник мужчина или женщина?

– Четыре сотрудника. Шеф мужчина, около сорока.

– И ты при этом имеешь проблемы? В чем дело?

Алина поерзала на сиденье, она стала похожа на охотничью собаку, взявшую заячий след. Я поняла, что не отвяжется, и кратко изложила свою концепцию, завершив словами:

– Короче, вот так как-то.

– Он тебе нравится, – утвердительно сказала Алина.

– Ну, как тебе сказать. Он мой тип по всем параметрам. Мне нравятся такие интеллигенты. Но я к его типу явно не отношусь. Ничего про него не знаю, ни женат ли, ни в связи ли. Но похож на агента ноль – ноль – ноль. Такой неприметный, но настоящий орех. Без щипцов не расколешь.

– Он тебя не любит, это факт, – вынесла вердикт моя мудрая подруга, откинувшись на спинку стула. – А эта, как ее, Верочка? Может, у него с ней шашни?

Тут официант принес кофе и пирожные, и мы примолкли на несколько минут. Кофе был не то что в старые времена, его можно было даже не пить, а просто нюхать. Только чашечки маловаты. Пирожные я не очень люблю, поэтому отодвинула свою тарелку. Но Алина это просекла и мигом уничтожила стратегический запас калорий.

– Не боишься поправиться? – с неодобрением спросила я. – Тут калорий немеряно, а поджелудочная железа не казенная.

– Узнаю бывшую медсестру. Один раз можно. Так как насчет Верочки?

Я пожала плечами. Повертела в руках чашку с кофейной гущей. На дне нарисовался кукиш. Или мужской репродуктивный орган, это как посмотреть. Хотя смысл один, как ни верти.

– Я тебе, кажется, вопрос задала. Два раза.

– Да нет, не думаю. У этого человека принципы. Никаких шур-мур на работе!

– Знаешь, не стоит делать таких заявлений. Мало ли что в жизни бывает, может он вообще нетрадиционной окраски. У вас мужчины, кроме него, есть на работе?

– Сашка есть... – я подпрыгнула на скамейке. – Как это? Думай, что говоришь!

Знала бы она, какой он, Родион Петрович! Но, наученная горьким опытом, я не стала его расписывать яркими красками.

– И чего тебя угрозило в начальника влюбляться? Это ж хлопот не оберешься. Сейчас не модно, не те времена. Если начальник любовник, то это самое настоящее сексуальное рабство, если не проституция. Ну, ты понимаешь.

– А в кого, если он перед лицом маячит целый день?

– А Сашка?

– Ой, я умоляю. Парнишка совсем юный. Правда, умненький, но мелкий. И вообще не мой тип. Кстати, как твой Эдик?

– Мы расстались, – сказала Алина нехотя.

Вот это была новость! Они ж и года не пробыли вместе, вот те на!

– А, понимаю. Он тебя бросил.

И тут ее прорвало. Даже не надо было задавать вопросов. Она сказала, что Эдик, такой-сякой мерзавец, завел себе подружку из стриптиз – бара, и ее терпение лопнуло. Это было понятно. У Алины такой характер, не приведи Бог. Но Эдик тоже с характером. Коса, как говорится, на камень.

– Вот и повод нализаться, – сказала я. – Может, вечером, после работы?

– Нельзя мне пить, мама болеет.

– Ой, извини, ты права. Так я пойду, пожалуй, а то перерыв заканчивается, – сказала я, поднимаясь.

– Куда? Сядь! Я же тебя не просто так вызвала. Я тебе круиз предлагаю. Бесплатный.

– Что?

Я остолбенело воззрилась на подругу. Больше я просто ничего не смогла выговорить.

Тут снова возник официант, он принес еще кофе. Алина о чем-то его спрашивала, он отвечал, а я размышляла. Уйти сразу, не дожидаясь продолжения? Что все это значит? Чем грозит мне? Алина, надо сказать, отличается изрядной меркантильностью. У нее зимой снега не выпросишь, а осенью дождя. Она вся в свою маму – завхоза и папу – интенданта. А тут такой аттракцион невиданной щедрости. Хотя с чего я решила, что это подарок. Хотя... может, это в качестве извинения за то, что она год назад увела у меня прямо из-под носа Эдика? У нас с ним было второе романтическое свидание, когда в ресторан, куда он меня пригласил, черти принесли Алину. У него прямо нос вытянулся, когда она, подсев к нам за столик, принялась болтать. Наглости ей не занимать, да и язык подвешен с нужного конца. Эдик был очарован. Я ушла, сославшись на выдуманное дело, кипя от злости. А у них закрутился роман, в чем мне Алина спустя неделю призналась. Самое обидное – это то, что мы с ней одного типа – блондинки, одного роста, обе стройные. Но я знала, что он в ней нашел – интеллект, которым она меня превосходит. Нет, она не такая начитанная, как я, но соображает значительно быстрее, остроумна, и всегда знает, чего хочет. А я... я по сравнению с ней глупышка. Даже тот факт, что моя родная мама не смогла выучить меня французскому языку, говорит сам за себя. И обаяния ей в долг не брать, а уж находчивость – ее главный козырь.

– Что молчишь? – тревожно, как мне показалось, спросила подруга, едва официант отчалил.

– У меня денег нет, я же тебе говорила – зарплату не платят.

– Да брось ты о деньгах. Я все оплатила.

– Я не беру таких подарков, – гордо сказала я.

– Ой, не говори только: от женщин! – парировала она. Мы дружно рассмеялись.

– Тогда – подробности. Дай отгадаю. Я поплыву вокруг света на «Квин Мэри»... Блин, у меня загранпаспорт просрочен.

– Тогда придется быть скромнее. Короче, ты поплывешь на теплоходе. Это будет «Московская кругосветка».

– Как это – Московская кругосветка? Москва теперь – центр мира?

– А фиг их знает, почему они это так назвали. Это теплоходный круиз вокруг Москвы. Волга, Ока, шлюзы, водохранилища. Ты когда-нибудь плавала на теплоходе?

Тоже мне, нашла, о чем спросить. Все на свете плавали, только мне не довелось. Как я могла, прожив на белом свете сколько лет, так и не совершить это замечательное путешествие? А вот и не могла. В голову эта заманчивая идея почему – то не заглянула. Да и денег вечно не хватало.

– Молчишь! – со злорадством истинной подруги сказала Алина.

– Молчу. Только разве вокруг Москвы сравнится с кругосветным?

– Ты не представляешь, что такое путешествие по широким и родным волжским просторам! Плынешь, а вокруг тебя бескрайние воды...

– Атлантики, – перебила я.

– По берегам рек и озер шумят камыши...

– Порхают летучие рыбы... – продолжала я уже тише.

– На пристани толпится народ и приветствует белый теплоход радостными криками, – вдохновенно не слышала меня Алина.

– А пираты уже поднимают черный флаг, корсары точат острые сабли, гром победы раздаётся...

– Ты о чем? – в голосе искусительницы послышалось явное подозрение в моей малой вменяемости.

– Да о том, несбыточном.

– Так ты что, отказываешься?

– Неужели я такая идиотка? Говоришь, бесплатно? Я вот думаю, где на белом теплоходе можно поставить мышеловку?

– Мышей там нет. А ты их боишься? Слушай, у тебя что, мышинная фобия? Я обещаю тебе самую современную мышеловку, если ты поедешь вместо меня, – торжественно пообещала подруга.

– Вместо тебя? – удивилась я. – А ты? – спросила я, желая получить если не объяснение, то хоть что-то наподобие. – Чего сама не плывешь? Другой круиз подвернулся? Вокруг Земли на космическом челноке?

– Я же говорила тебе – мама больна, уход нужен, на Эдкю надежды нет, а путевка уже оплачена. И потом сама подумай – на твоей работе денег не платят, так что терять тебе нечего. Кроме того, отвлечешься от своих проблем.

Все это становилось неприятным. И чего она меня так уговаривает? Я была согласна, согласна, согласна.

– Вот и отлично, – Алина рассмеялась своим милым смехом. Если не знать что этот серебряный колокольчик принадлежит женщине с характером твердым, как палеонтологическая окаменелость, можно здорово влететь.

Я спросила, когда теплоход отчаливает. Оказалось, сегодня в три.

– Но я не успею собраться!

– У меня все с собой. Поедешь как королева.

Алина, сунув руку под стол, вытянула дорожную сумку. Я только вздохнула. Ее энергия уже подхватила меня. Но я пыталась сопротивляться, просто из принципа.

– Не стану я чужое надевать даже под угрозой расстрела, – сказала я, гордо отвернув голову, я смотрела в окно. Там ветер нагибал ветви акации, по дороге мчались машины, шли по тротуару люди, все было в движении.

– Да ты с ума сошла! – воскликнула Алина. – На теплоходе могут быть иностранцы! Хочешь в грязь лицом ударить?

– Тебе – то что, мое лицо, – огрызнулась я, отворачиваясь от вида улицы.

– Ну уж нет, я не позволю пачкать мое имя. Путевка – то оформлена на него, дорогая.

– На него? На Эдика? – тупо спросила я.

Она покрутила пальцем у виска. Карпова, ты когда поумнеешь, а, Карпова? А еще и фамилию знаменитого шахматиста носишь, не стыдно? Где логика?

– Я к Анатолию Карпову не имею отношения. И логика тут ни при чем. А фамилия, я в одной книге прочитала, влияет на характер. Карп рыба не очень умная, раз дает себя разводить.

– Ты что имеешь в виду? Что я тебя развожу?

– Это карпов разводят, это же прудовая рыба.

– Да какая же ты прудовая? Ты самая что ни на есть золотая рыбка.

- Точно. Только старика не хватает. Так что ты про путевку говорила? На кого она?
- На меня! Ты что, намеревалась весь круиз в *этом* проходить?

Алина указала на меня пальцем. Я возмутилась. Мы немного подискутировали на тему одежды вообще, моего стиля одежды, в частности, незаметно перешли к стилю опять – таки моего образа жизни. Живу я одна, в хрущобной пятиэтажке, содержание моего гардероба может привести в состояние шока. И после этого я на что-то надеюсь! Не знаю точно, что она хотела сказать последней репликой, однако разозлить меня ей удалось. Пришлось напомнить милой подруге содержимое ее жизненного багажа. Вспомнив, какой обещающей спортсменкой она была в школе, как классно занимала вторые и третьи места на городских соревнованиях по фигурному катанию, Алинка прекратила втоптывать меня в грязь. В конечном итоге мы, после небольшого приступа ностальгии по детству, успокоились и поладили. Я согласилась взять ее вещи. Как всегда. Докажу свое, а потом уступаю.

– Все новенькое, не беспокойся. Шмотки – отпад, себе покупала. Помнишь, в дни нашей юности ты давала мне свои тряпки?

– Ну спасибо за «тряпки», – обиделась я.

– Это тоже всего лишь тряпки, правда, они стоят кучу денег. Но ты должна мне оказать маленькую услугу.

Так я и знала! Вот оно, наконец –то! Алина ничего просто так не делает.

– Какую?

– Дашь мне ключи от твоей хаты, только и всего.

– Можно спросить – зачем?

Алина сделала большие глаза и таинственным шепотом сказала:

– На случай, если понадобится конспиративная квартира.

Ты, наверное, сама хахаля завела, подумала я, а сваливаешь на Эдика. Странно все это. Но отказать ей было невозможно. Я достала ключи и положила перед ней на столик.

– Сделка?

– Сделка!

Мы ударили по рукам.

– Ой, слушай, чуть не забыла. Маленькая оказия. Будешь в одном месте, зайди в коммерческий банк и положи это в ячейку.

В ее руках оказался пакет, свернутый в плотную трубочку и запечатанный сургучом с двух сторон.

– Не поняла, – сказала я.

– В какое место? Я буду в куче мест, это же круиз. Давай адрес, по которому я обязательно отволоку это куда надо. Город – то какой?

– Городов там куча, но из крупных – Нижний Новгород и Ярославль. Кстати, это очень замечательный круиз. Ты ведь любишь Есенина, так вот – тебя ждет родина великого русского поэта. Ой, чуть про путевку не забыла. Она в боковом кармане сумки. Паспорт у тебя с собой? Нет? Ничего страшного, проскочишь. Ближе к делу. Этот пакет очень важный, скрывать не буду. Отвечаешь за него башкой. Положу я его вот сюда, видишь? Тут в сумочке на дне маленький загашник на молнии, видишь, как он удачно помещается. А сюда я кладу конвертик. Тут де-ее-енежка. Ты же должна иметь деньги, купишь мне какой-нибудь сувенирчик, ладно, Ульяна? Что-нибудь местного производства, это ж Поволжье, там много интересного. Так, а теперь закроем молнию.

Проделав эту манипуляцию, Алина ногой затолкала сумку под стол и оглядела зал, подозрительно вглядываясь в немногочисленных посетителей кафе. Я тоже посмотрела на них, Парочка девчонок ели мороженое в самом центре зала, немолодая, но хорошо одетая женщина пила кофе за столиком у окна, у ее ног сидела маленькая собачка и преданно смотрела на

хозяйку. Уборщица, опираясь на швабру, смотрела на экран, где лихо отплясывали полуголые девчонки. Звук был достаточный, не громкий, но и не тихий, так что никто нас слышать не мог.

Подошел официант и предложил попробовать фирменное мороженое.

– Хочешь мороженое? – спросила Алина. Я кивнула головой, и мы заказали – она фисташковое, а я попросила клубничное. Официант сказал, что клубничного нет, и я согласилась на фисташковое, которое мне нравится меньше. Он мигом вернулся с двумя вазочками, я взяла ложечку и попробовала. То ли была голодная, то ли мороженое оказалось хорошее, но я заработала ложечкой, как мельница крыльями при хорошем ветре. Алина писала кому – то эсэмэску, а когда отправила ее, моя вазочка была пустой и я довольно жмурилась.

– Так о чем мы говорили...

Тут у нее зазвонил мобильный. Она прочла сообщение и сказала:

– Опять спам прислали. О чем мы говорили? Ах, да. Зайдешь в коммерческий банк, когда я тебе позвоню, откроешь ячейку, шифр не забудь только потом. Шифр – это очень важно, запиши на бумажку, а то проблемы будут. Поняла, что ль?

– Поняла, что ль, – огрызнулась я. Не такая уж бестолковая, как ей кажется.

– Тогда вперед.

– Подожди, мне надо у шефа отпроситься. Дай телефончик, позвоню.

Алина протянула мне свой мобильный. Это была последняя модель. Я набрала номер офиса. Ответила Верочка, сказала, что Родион Петрович уехал.

– Верочка, скажите ему, что я беру отпуск на две недели.

– Девять дней, – прошипела Алина. – Круиз на девять дней!

Но я проигнорировала эту поправку. Верочка обещала передать просьбу начальнику. Я порадовалась удаче – ведь если бы Родион Петрович был на месте, он мог не отпустить меня в отпуск на целую неделю раньше. Повезло, можно сказать, долг выполнен и дальше хоть трава не расти, хоть снег не тает.

– Хороший телефончик, – задумчиво сказала я, разглядывая аппарат. – Дашь поносить?

Алина так и подпрыгнула.

– С какого перепугу я должна тебе давать свой телефон?

– Давай откровенно. Твое поручение пахнет авантюрой. Да, я понимаю, мама больна и все такое. Но ...

– Слушай, у нас мало времени, чтобы я тебе доказывала свое бескорыстие, – огрызнулась Алина. – Но ты права, связь нужна. Хотя по пустякам не названивай. А у тебя мобильного своего нету, что ли?

– Он еле дышит, заряжаю каждые три часа, а где я на теплоходе буду заряжать?

– Купила бы новый.

– На новый денег нет.

– Без ножа режешь. Мне надо будет через десять минут позвонить. Давай хоть твой. И по пустякам не названивай, смотри.

Я отдала Алине свой мобильный. Она небрежно сунула его в маленькую сумку из крокодиловой кожи. Ничего, подумала я. Если ты такая буратинка, что путевками соришь, переживешь.

– Ладно, мне пора. А ты возьми такси, доедешь с шиком.

– Я лучше на электричке, оно надежнее. Полчаса и там. Только сейчас перерыв. Я тут посижу. Да не волнуйся ты, – успокоила я Алину, которая почему – то встревожилась. – До станции пять минут ходу.

– Ну, пока.

Она чмокнула меня в щеку, сделала шаг к выходу и обернулась.

– Будь там повнимательнее. И прости меня.

– За что?

– За Эдьку, будь он не ладен.

2. В ожидании теплохода

В пригородной электричке я достала путевку и внимательно все прочитала. Нужно было явиться на пристань в три часа, строго за час до отплытия теплохода. Времени у меня хватало – до Москвы на электричке от силы полчаса, потом метро. Меня охватило радостное нетерпение. Скорей бы уже! Скорей бы увидеть все те знаменитые шлюзы, где вода спускается и напускается, пропускающая суда и баржи. А еще водохранилища, широкие, как море – Горьковское, Московское, Рыбинское, где над водой летают речные чайки и ловят речных рыб. Ладно, ничего, что не соленое море, а родные пресные просторы. Как говорится, за неимением гербовой пишут на простой.

Я очень пунктуальный человек в том, что касается назначенного времени. Другие люди постоянно или хотя бы иногда опаздывают на работу, я – никогда. На пристань я приехала ровно за час, как того требовала путевка. Этот час отводился на процедуру регистрации, при мысли о которой у меня сводило живот от страха, что меня сочтут похитительницей чужой путевки. Оставалось надеяться на нестрогий контроль.

Теплоход опаздывал. Можно было бы посидеть, если бы было на чем. Все стулья были прочно оккупированы опытными путешественниками, прибывшими еще более заблаговременно, чем я. Посидев на отопительной батарее и найдя это неудобным во всех отношениях, я пошла искать, где можно купить пирожок и попить. Поблизости обнаружилось мини-кафе, к нему стояли три человека, и я встала в хвост этой маленькой очереди, за двумя здоровяками вполне нашего, люберецкого типа. Они о чем – то переговаривались, и я прислушалась. Так уж человек устроен, говори громко – никто внимания не обратит, понизишь голос – уши торчком встанут.

– Я думаю, это она, браток. Никуда не денется, не трепещи.

У "братка" в голубой рубашке заиграл мобильник.

– Да, – сказал он. – Она здесь, приметная. Пара дней всего, никуда не денется. Таким шансом не бросаются. Товар будет наш. Шеф? Он в порядке.

Мне стало как – то нехорошо, и я тихонечко отошла. Если тут пасут кого–то, нужно иметь скромность находиться подальше от возможных неприятных эксцессов. Малодушие посоветовало мне этих типов запомнить, чтобы иметь возможность в случае чего держаться от них подальше, но ничего, кроме уже упомянутых рубашек, широких спин с пятнами пота и затылков, мало говорящих об их фасадах, взору не представало, а дожидаться, пока они начнут озираться по сторонам, почему–то не хотелось. Я направилась к своему багажу, присмотреть за которым попросила семейную пару с двумя резвыми детишками.

Из – под большого бетонного навеса взору открывался причал и река без малейших признаков теплохода, если не считать его вторичными признаками реку и будущих пассажиров на пристани, терпеливо изнывающих от жары и ожидания. Среди такой публики Алину даже представить было как – то несолидно. Хотя путевка, по моим финансовым возможностям, стоила прилично, народ выглядел довольно обычно. На самом проходе, на сквознячке, сидел старик с палкой, которого все уважительно обходили. Слева под навесом компания девчонок – студенток играли в карты, сидя кто на багаже, а кто на корточках. Что студентки, было понятно по молочно-белой коже, типичной для студенчества в конце июня. Куча семей с детьми. И ни одного принца на белом слоне под балдахинном. А ведь мог бы быть, если верить сериалу «Вокруг света за восемьдесят дней»: иногда под личиной скромного морского хичхайкера, бороздящего моря на попутных парусниках, а сушу на попутных верблюдах и ослах, может скрываться благородная до синевы кровь, тугий кошелек и отсутствие штампея ЗАГСа в паспорте. Но, по крайней мере, один очень интересный мужчина здесь есть: плотный, подходя-

щего возраста, с трубкой в зубах, но вид у него неприступный. Кстати, похож на Хемингуэя. Нет, я упорно не могу представить Алину среди такой публики. Может, она просто сделала мне подарок, послав в это путешествие? А все эти заморочки с пакетом – для отвода глаз? Хорошо, что я одета скромно и неприметно. Вздумай я нацепить на себя один из Алинкиных прикидов, выглядела бы так же нелепо, как вон та дама в зеленом наряде и с таким выражением лица, словно она пупок земли, не меньше. Надо же вырядиться в зеленое! Может, это агент Гринписа? Стоп, а не она ли та самая «приметная», за которой следят те самые мужики? Хорошо бы, а то у меня начали закрадываться тревожные подозрения, что качки следят за мной и что причина этому – Алинин пакет. Я вспомнила, как подозрительно она оглядывала народ в кафе. Она чего – то боялась, факт. А, ерунда все это. «Братков» с их мокрыми спинами не видно, наверняка они рэкетеры и речь шла о ком – то другом, да и вообще мало ли кто это может быть! Я снова обежала глазами пассажиров. Метрах в десяти от женщины в зеленом немолодой мужчина в белых брюках и в бежевой тенниске успокаивал жену, которая Боже ж ты мой как разнервничалась. Она его явно провожает, ее глаза от мокрых ресниц кажутся огромными, она очень переживает за предстоящую разлуку, а он обещает ей купить часы в Угличе. Сопли в сиропе, как говорят у нас во дворе. Я отвернулась и посмотрела внутрь вокзала. За стеклом мелькнули два здоровяка, может, это те самые, что пасут даму в зеленом? И чего она такого сделала? Может, это библиотекарша, подавшая в суд на криминального авторитета? За что? Да за несдачу книги в указанный в формуляре срок.

Наконец показался теплоход, народ сразу взбодрился и потянулся с багажом на пристань. Я осторожно озираясь по сторонам. Криминальных богатырей не наблюдалось. Та процедура, которой я робела, оказалась простым предъявлением путевки и получением взамен кормежного листка с номером каюты. Простенько и со вкусом. На мое счастье, теплоход опоздал, иначе контроль был бы более строгим. Взойдя по трапу, народ рассеялся по теплоходу. Как и всем, мне выдали на вахте ключ от каюты, расположенной на корме верхней палубы. Это оказалась недурная каютка, второе место было свободным, судя по отсутствию на нем постельного белья. Окошко выходило на палубу, и открыть его можно было, потянув кверху раму. Забавно. Если лежать напротив окна, головой к двери, то видно реку, а сидя, наблюдать проходящих по палубе пассажиров. Эх, отлежусь! За все недосыпы, я ведь сова, каких поискать – полночи не сплю, смотря телевизор, а утром с трудом размыкаю веки. Можно прямо сейчас завалиться, только вот неохота почему – то становиться отшельником. Поставив сумку в шкаф, я кинулась удовлетворять законное любопытство человека, впервые ступившего на борт плавучей посуды. Длина теплохода, как уверяет информация на стенде, почти 80 метров, на палубу ведут три прохода по всей длине корабля. Внутри что-то вроде внутренней палубы с крутыми трапами – лестницами, коридоры ведут направо и налево, сходясь в конце. В середине коридора распахнутая дверь вела вниз, в машинное помещение – шум, запах горючего, жара, вяло двигаются матросы. Кочегары, что ли? Мимо проскочил матросик, на мой вопрос ответил, что это мотористы, и резко закрыл за собой дверь. Это меня обидело. Но настроение испортилось еще больше, когда какой-то мелкий мужичок посоветовал мне гулять не здесь, а на двух верхних палубах. Он вошел в каюту с табличкой «боцман», а я, обиженная до глубины души, поплелась наверх. На верхней палубе было помещение салона, там стояло пианино. Салон оказался заперт. Все время вокруг в спешке сновал персонал, усталый и раздраженный от аврала, вызванного опозданием теплохода из – за тумана ночью. Странно, какой такой туман? Разве это возможно при такой – то жаре? А впрочем, я ничего не знаю об этих тонкостях. Вернувшись в каюту, я включила кондиционер и легла поспать. Меня разбудило радио – пел соловей, потом раздалась приятная музыка, и, наконец, полный очарования женский голос призвал на ужин.

3. Ах, белый теплоход!

Ресторанов было два – на второй и на верхней палубе, меня определили в нижний. Сев, я огляделась по сторонам, стараясь запомнить людей. Напротив входа, за самым большим столом, сидел священник – на вид ему было лет тридцать пять, у него была небольшая бородка и выражение отстраненности на лице. Жена – красавица была выше, крупнее и породистее его. С ними же сидело семейство из четырех человек – муж, жена и двое детишек, мальчик и девочка. Официантка усадила меня за вторым столиком справа от входа, рядом с тем самым пенсионером с палкой, что сидел на сквозняке в речном порту. Соседи по столу – паренек и девушка, оба с обручальными кольцами – молодожены, без очков видно. За первым столиком, лицом ко мне сидела женщина в зеленом и напротив нее – «Хемингуэй». Она пыталась завязать с ним разговор, он отвечал односложно, быстро поел и ушел. Эх, красавчик, куда ж ты? Курить свою трубку? А, может, обдумывать сюжет нового романа? Типа «Прощай, берег». Кажется, это совершенно неприступный мужчина, жаль, а то бы я могла... забыть про зальсинки Родиона Петровича! О котором я вспомнила впервые за последние три часа!

Ужин был вкусный, с гарниром, и в целом казался обедом, были пирожки, йогурт и чай. От такого количества пищи я отяжелела. Настроение испортилось. И то сказать – сегодня утром я ни сном ни духом не помышляла о путешествии, и вот на тебе! плыву в неизвестность. Зачем? Куда? Ловко меня Алина подкупила своей щедростью. Наверняка захотела подлизаться, хлебнув одиночества после нашей ссоры. Как Эдика потеряла, так сразу к лучшей подруге кинулась. То-то же! Муж – он сегодня муж, а завтра бывший. Правда, и с друзьями так бывает, чего уж. Но нас слишком многое с Алиной связывало. Ладно, забудем и простим всем. Тут так здорово! Я гуляла по палубе, смотрела на проплывающие мимо берега, любовалась видом реки. Где – то через час решила позвонить Алине и достала мобильный телефон. Взяв его в руки, я задумалась. Она просила ее зря не беспокоить, может быть, поэтому даже не сказала, куда ей можно звонить, но нужно все-таки сообщить о своем благополучном отплытии. Придется побеспокоить Эдика, заодно узнаю, как он. Эдик у Алины первый муж, но четвертый мужчина. Первого звали Александр, второго – Николай, третий был Ричард. Все какие – то роковые имена и цифры, печальные ассоциации. Когда я вполне серьезно указала на это Алине, она, смеясь, привела аналогию моего имени с именем Ульяны Громовой, погибшей в шахте, куда ее сбросили немцы. У нас в городе шахты не водятся, немцев тоже сюда не заманишь, – ответила я, и мы налили и выпили за всех ее мужчин, несмотря на то, что Сашка пил горькую, Колька ее поколачивал, а Ричарда посадили. Может, Алина – та самая роковая фемина? Уж с Эдиком могла бы судьба повременить – и богат, и красив. А теперь вот они расстались, да. Жаль, что я не уточнила смысл этого слова – развелись или временно разъехались? И как мне в голову не пришло уточнить, теперь вот ломай эту самую голову! Я решительно набрала номер Эдика, который нашла в телефоне под ником «Любимый». Но отозвался автоответчик, который вежливо попросил оставить сообщение, что я не преминула сделать, довольно нелогично попросив Эдуарда сообщить Алине при первой возможности, что у меня все о'кей, что весьма ей признательна. Надеюсь, ты в порядке и вы скоро помиритесь, добавила я самым кротким тоном, на какой оказалась способна. Имя называть я не стала – он ведь и без того знает мой голос. Если не забыл, гад такой.

На второй день я уже обвыкла на новой территории и не пялилась на матросиков, сновавших по рабочей палубе, где пассажирам не советовали гулять. Наверное, они были мастерами своего дела, да и капитан тоже не лох, эта мысль приходила мне в голову при прохождении шлюзов, потому что провести судно в такой узкий коридор, наполненный водой, что-нибудь да значило. Шлюзы сначала вызвали восторг, но их было так много, что зрелище уже вызывало не интерес, а нестерпимое желание поскорей выбраться из бетонной коробки. Зато места на Оке мы проплывали изумительной красоты, река петляла, ветви деревьев склонялись к самой воде, ветерок и близость воды смягчали палящее солнце, и всегда можно было найти тень на палубе. Весь первый день мы плыли без остановки, на второй посетили Константи-

ново. Туристы яростно скупали местные сувениры, в основном деревянные ложки, картины, особым спросом пользовались вышитые полотенца. Я купила Алине подарок – гобелен. На нем кокетливо изогнулась маркиза де Помпадур, выставляя напоказ грудь в декольте. Надеть на Алинку такие кринолины да парик, очень похожа будет.

При каждом удобном случае я загорала на верхней палубе, а так как весь третий день мы плыли без остановки, то к четвертому дню уже словила загарчик не хуже южного.

Когда мы прибыли в Касимов, небо затянули тучи, что для экскурсии было скорее хорошо, потому что, по правде говоря, бродить под палящим солнцем было довольно утомительно. Нас разбили на две группы и повели в старую часть города. По крутым дорожкам и лестницам с выщербленными ступеньками мы спускались, поднимались, шли к старинной мечети по тенистым улицам, иссеченным оврагами. Я заметила, что дама в зеленом плетется позади всех, а потом она вообще куда-то исчезла. Мы сходили на экскурсию в музей татарского быта, вскарабкались на минарет и обозрели окрестности. Ничего особенного я не нашла – река, зелени много, и ноги болят.

Я решила пойти в другую часть города и быстрым шагом пошла обратно. Нагнала женщину с нашего теплохода, мы пошли вместе, потом спросили дорогу у прохожего, так, на всякий случай, чтобы не забрести куда-нибудь не туда. Оказалось, шли правильно.

– Давайте поьем, вон колонка!

Женщина указала на деревянный барак. У колонки стояла и мучилась, пытаясь набрать воды в бутылку, дама в зеленом костюме – одной рукой у нее не получалось – мощная струя воды из колонки выбила пластиковую бутылку из рук и обрызгала ее милый костюмчик. Я решила помочь.

– Ваш рюкзак намокнет, – сказала я и хотела переставить его подальше от брызжущей струи. Но женщина буквально вытащила его у меня из – под руки, проволочив по мокрым камням.

– Спасибо, я сама – с некоторой агрессией сказала она.

– Что-то интересное купили? – улыбнулась я.

– Сувениры, – последовал ответ. – Матрешки, доски для нарезки, мелочь всякая.

Таких неконтактных еще поискать. Она даже не стала нас дожидаться, а торопливо пошла в направлении пристани. Рюкзачок у нее был модерновый, но чем она его забила – случайно, не камнями? – подумала я. Ах, да, матрешки. И где это она их выкопала? Да и что-то тяжелые они у нее, матрешки-то. Может, каменные?

Путешествие продолжалось, теплоход делал остановки, мы ходили на экскурсии, в основном в музей. Удивительные там сохранились вещи. Я начинала гордиться своей страной и нашей историей и стыдиться своего невежества. Да, преподавание исторической науки у моего поколения явно хромает. Люди мне тоже нравились, хотя вывод о том, что жители Подмосковья более открыты для общения, я сделала сразу же. Были и мелкие инциденты. В одном музее меня поразила одна икона. Это была икона Спаса. Точно такую, только на картоне, я купила на одной из стоянок. Мне сказали, что она лечит, я поверила, дура, и пятьсотку выложила. Стоило сравнить копию с оригиналом. Но едва я сделала снимок, как на меня налетела строгая бабуля – смотрительница.

– Чем это вы тут занимаетесь? – заверещала она. – Снимать строго запрещено. У вас есть квитанция об оплате? Нету? Придется штраф платить.

– Я заплачу. А можно вам?

– Давайте, – смягчилась бабуля и, взяв сто рублей, куда – то моментально испарилась. Не думаю, что она побежала вносить плату за меня. Ну, дела. У нас в городе так подстергать тоже умеют – эвакуаторы автомобилей. Эти гады появляются, стоит водителю отойти на пять минут. Эвакуируют очень быстро. Эвакуаторша моей сотни, как потом оказалось, сидела у двери. Вид

у нее был чересчур честный. Но я не жалела, что помогла ей материально. Представляю, какие у них зарплаты. Зато у меня был такой снимок!

На следующий день зарядил мелкий противный дождь. Хорошо, когда вода – вода, кругом вода, как поется в песне. Но когда ее слишком много, это не есть хорошо. Мало того, что она справа, слева, прямо по курсу и на корме, так еще и сверху! Это слишком. Я валялась в каюте и читала книжку, купленную на одной из остановок. К вечеру у меня разболелась голова. Приближался вечер, теплоход стоял в Павлово. На экскурсию я не пошла, стояла у поручней и смотрела, как вооруженные зонтиками путешественники сходили по трапу на причал, где их ждала экскурсовод. Она повела их за собой – кучка цветных грибков поползла вверх по улице вдоль реки. Я стала ходить по палубе. Несколько раз продефилировав мимо старика с палкой, который тоже не пошел на экскурсию, я уселась в паре шагов от него на пластмассовый стул.

– Что же не пошли на экскурсию? – поинтересовался сосед по стульям.

– Голова болит.

– Много не потеряли, – сказал дедушка. – Это самый запущенный городишко, мне сказала массовик – затейник. Портит все предыдущие впечатления. Правда, там в музее есть кремль, сделанный из ножей, и подкованная блоха, но тем не менее, тем не менее.

– Да, в других музеях столько хорошего и нового узнаешь! Одни портреты чего стоят! Я снимаю их на мобильный.

– Не покажете? – заинтересовался старик.

Мои снимки его позабавили. Мы со смехом смотрели на попутчиков.

– Насколько лучше люди на старинных портретах, вы согласны? – спросила я.

– А это что? – спросил он, указывая глазами на очередной снимок.

– Так это икона. Называется Спас Нерукотворный. Исцеляет от недугов.

– Может, и меня исцелит? – усмехнулся он.

– Нет, фотография исцелить не может, нужна настоящая.

– Так я и подумал, – пробормотал он себе под нос. Потом поднялся, и сказал: – Пора пойти отдохнуть. Извините, устал сегодня.

Он ушел, а я взяла в руки оставленную им газету, и стала просматривать, быстро пробегая глазами заголовки. Это была областная “Криминальное Подмосковье”. Одна статейка сообщала о побеге группы сумасшедших из одноименного дома. Чего только не придумают, чтобы заполнить полосы! Вторая оказалась более серьезной и рассказывала про ограбление инкассаторов, везших выручку из средней руки банка. При взгляде на третью статейку я подпрыгнула, чуть не свалившись с пластмассового кресла. Заметка сообщала об очередном покушении на предпринимателя из Московской области, и это был не кто иной, как муж Алины, Эдик! Все мои сомнения на этот счет развеяла фотография Эдика, помещенная в газете, хотя она была явно более раннего происхождения. На ней он обменивался рукопожатием с бывшим главой местной администрации, которого давно пристрелили, но главное – его голова имела более густую растительность, чем при нашей с ним последней встрече. Надо сказать, что у меня есть одна маленькая слабость в отношении мужчин. Мне очень нравятся залысинки. У Эдика они были. Есть они и у Родиона Петровича. Вспомнив его, я печально вздохнула, сердце пронзила сладкая боль, на глаза навернулись слезы.

4. Первые потери

Взяв газету, я отнесла ее в номер. Пыталась связаться с Алиной, но мой мобильный номер не отвечал, а у Эдика никто не брал трубку городского телефона. Потом я сообразила – чего я звоню в коттедж, она ж наверняка дома, у матери!

– Полина Феоктистовна, это Ульяна, – закричала я, когда ее мать ответила. – Я прочитала в газете про Эдика. Дайте мне Алину, скорее!

– Ульяна, – каким –то безжизненным голосом повторила Полина Феокистовна, и я мысленно увидела ее круглое усталое лицо в обрамлении крашенных под каштан волос. – Нету Алинки, уехала в круиз.

– Что? – не поверила я ушам. – Когда?

– Перед тем, как Эдикову машину взорвали.

– Да это я... Это она мне... это я в круиз уехала.

– Кто это? Я не могу говорить, плохо слышно, – сказала она и отключилась.

Я в полной растерянности смотрела на телефон, будто он мог что-то еще сообщить, но он издавал только звуки отбоя. Вторая попытка связи привела к тому, что оператор сообщил, что сумма на моем счете закончилась. Боже, что делать, что делать? Надо мчаться обратно. Но что я могу сделать? Примчусь, а дальше что? И потом, Алина дала мне поручение, от которого может зависеть очень многое. Наверняка она неспроста дала мне этот маленький пакет, скрученный в трубку и запечатанный старинным способом – сургучом, на котором выдавлена какая – то надпись. Скорей бы Нижний Новгород, что ли. А оттуда я могу добраться поездом. К черту эту поездку, теперь все не в радость. А сейчас надо срочно пополнить счет. Забыв про головную боль, я слетела на берег и помчалась вверх по набережной, мимо старинных особнячков с колоннами, и чуть не проскочила мимо нашей группы, но вовремя притормозила. Туристы внимательно слушали женщину – экскурсовода. Вот кого можно спросить, где можно пополнить счет на мобильном! Я затесалась в группу, подбираясь к экскурсоводу поближе. Но немолодой мужчина в белых брюках пресекал всяческие попытки завладеть вниманием экскурсовода, его ловкость, с какой он оттирал всех в сторону своим зонтом, говорила о немалом опыте. Ничего не оставалось, как дожидаться более благоприятного момента, который наступил только с окончанием экскурсии.

На мой вопрос экскурсовод объяснила, где есть нужная мне услуга. Я поспешила в указанном направлении.

– Подождите меня, пожалуйста! – услышала я чей – то голос и обернулась. Это была дама в зеленом костюме, которой тоже надо было в магазин. Из-за нее пришлось сбавить темп – дама была на каблуках. Хорошо, что магазин оказался недалеко, а то бы ей несладко пришлось.

Я купила воды без газа, пополнила счет в терминале, вышла на улицу, где после кондиционера, выстудившего все помещение, оказалось очень тепло. Моя попутчица тоже вышла, и мы уже сделали первые шаги по направлению к пристани, как вдруг...

Раздался грохот выстрела, и пуля ударила в стену здания как раз между нами.

– Ложись! – тонким истеричным голосом крикнула дама, рухнула сама и увлекла меня на тротуар. Еще два выстрела, и на нас посыпались куски известки и цемента.

– Убивают! Милиция! Полиция! – завопила какая – то бабулька с сумкой и бросилась наутек. Мы на четвереньках поползли к двери и, отталкивая друг друга, протиснулись в спасительное убежище магазина. Откуда –то из служебного помещения выбежал охранник, торопливо сообщая по рации о нападении на торговый пункт. Он на миг замешкался, глядя на нас, испачканных пылью, с расцарапанными руками и вытаращенными глазами, все еще не поднявшихся с четверенек, но говорить ничего не стал, только махнул рукой и бросился наружу.

– Что это было? – спросила дама в бывшем зеленом, а теперь серо – белым от пыли и мела костюмчике. – Стреляли в кого?

Мы сидели в подсобном помещении, не то чтобы успокоенные – скорее оглушенные порцией валерьянки, которую в нас щедро влили торговые работники. Я посмотрела на нее, потом на свои расцарапанные руки и ладони, и ответила:

– В вас, я думаю.

– Что? Зачем? Кому это понадобилось? Да нет, это просто теракт местного значения. Полицейский ведь так сказал. Если бы нужны были мы, то в нас попали бы. Это обычная криминальная разборка.

Я вздохнула и рассказала ей о двух братках, которые следили за ней на Речном вокзале. Она широко раскрыла глаза и прошептала:

– Нет, я не верю. Этого не может быть.

– Расскажите мне о своих врагах, – сказала я.

– У меня нет врагов, – надменно произнесла женщина. – И этих типов я в глаза не видела. Хотя всякое в жизни может быть, – она замолчала, словно сама не верила тому, чем пыталась себя успокоить.

– Что – хотя? Неужели вы не понимаете, что дело серьезное? – продолжала я увещевать. – На вас кто-то охотится, и если вы хотите в одиночку противостоять убийцам, то я вам искренне не завидую.

Она испуганно посмотрела на меня.

– Пожалуйста, не бросайте меня, я боюсь. Кстати, давайте познакомимся.

– Ульяна, для своих – просто Юта.

– Капитолина. Для своих – Капа. И предлагаю перейти на ты. Давай уйдем, а то полиция привяжется, еще оставят нас для дачи показаний.

Это было весьма разумное предложение. Пока, правда, никто нами не заинтересовался, но все могло измениться, и тогда прощай, теплоход! Кто будет дожидаться, пока мы дадим свидетельские показания? Мы поднялись. Девушка, которая отпаивала нас валерьянкой, помахала рукой, но провожать не пошла, видно, боялась высовываться на улицу. Мы беспрепятственно вышли. Тишина и покой, улица как вымерла. Мы бегом направились к пристани.

– Неужели так все и спустим на тормозах? – возмущалась я, трусая впереди. – Может, стоило все – таки рассказать полиции, что это в нас стреляли?

– Умоляю, не надо, это никому не поможет, только привлечем к себе ненужное внимание, – сквозь одышку отвечала Капитолина.

Нет, так нет, – подумала я. Это была очень упрямая женщина. Надеюсь, она снимет, наконец, этот приметный зеленый костюм. Правда, сейчас он был серый от пыли и белый от штукатурки. Слава Богу, на мне более практичная одежда – мои любимые джинсы и футболка, они не так сильно пострадали.

Пострадало, однако, мое гордое одиночество – теперь Капа упорно не желала оставаться одна. Я всерьез задумалась. С одной стороны, какую – либо причастность к происшедшему она отрицала, свой страх она и не пыталась спрятать. Я давно успокоилась, а она все повторяла, как напугало ее это происшествие. Мне надоело ее успокаивать. Но вдруг она сказала:

– Мою каюту кто-то вчера обыскал.

– Как? – поразилась я.

– Я заметила некоторые признаки.

Она опустила глаза вниз, а меня взяла досада. Неужели она врет? Или ей есть что скрывать? Неужели мне придется стать для нее чем – то вроде охранника? Жалость начало вытеснять вполне естественное раздражение. И чего так ныть, ну чего так ныть? Взрослая женщина, чуть постарше меня, лет этак на десять, но ведет себя как старушка. Зачем только я так ее напугала, рассказав про качков? А если все это не имеет никакого отношения к бедной женщине? Господи, неужели мне теперь придется нести этот тяжкий крест заботы о ней до конца путешествия?

– Ты не можешь переехать в мою двухместную каюту? – спросила она после ужина, когда мы вдвоем шли из ресторана. – Я одна боюсь.

А вот это как раз было то самое, чего я очень не хотела. Мало того, что мне навязывалась роль бодигарда, еще и делить каюту с такой нервной особой – ну уж нет. К тому же у меня был люкс, а у нее каюта первого класса на средней палубе. Нужно было выкручиваться.

– Я не могу, – сказала я, и поторопилась объяснить: – У меня тут на теплоходе бывший любовник плывет, так что понимаешь, он может подумать, что я хочу, чтобы он подумал, что я... понимаешь... в наше время...

– Любовник? Что он может подумать?

– Ну, что я сменила ориентацию, – пояснила я.

– Знаешь что, закрути роман, тогда к тебе никто не сунется. Это если ты боишься, что какой-нибудь матросик подкуплен и в любой момент проникнет, чтобы задушить и выбросить тело за борт, где его съедят голодные рыбы.

У нее открылся рот и вылезли глаза. Мы подошли к ее двери, и она судорожно потыкала ключом в скважину замка. Она нырнула в свою каюту, закрыв дверь с громким стуком, а я отправилась в свой люкс.

За всеми ее причитаниями я как – то отвлеклась от своих собственных проблем, и теперь они навалились на меня. Что делать, как узнать, что с Алиной и с Эдиком?

Ночью я долго не могла заснуть, хотя было тихо. Теплоход стоял в тумане, не двигался, и доносились редкие, какие – то гулкие команды с капитанского мостика. Я засыпала и опять просыпалась, а часа в два услышала осторожные шаги по коридору – кто-то решил полюбоваться туманом. Почему бы и мне не сделать то же самое?

Коридор был пуст, несколько дежурных лампочек светили, очевидно, для возможных любителей ночных экскурсий по теплоходу. Или для любовников. Кандидатов в которые здесь практически нет. На палубе ничего интересного, туман навевал неприятное впечатление. Берег отсутствовал, вместо него было серо – белое клубящееся облако. Кольца пара то начинали рассеиваться, то вдруг напоздали откуда –то с левого борта, заглывая корабль, как питон. И душно, и скучно. И некому руку подать... коль свалишься в воду случайно.

Остаток ночи я проспала крепко, и даже на завтрак опоздала, за что старик – сосед по столику – меня по – отечески пожурил. Капа, сидящая за соседним столом лицом ко мне, заговорщицки подмигнула. «Хемингуэя» не было – устроил разгрузочный день? А может, уже насытился и ушел курить?

– На концерт пойдете? – поинтересовался старик, поднимаясь из-за стола. Он взял палку и стоял, глядя на меня с приветливым любопытством человека, которому интересно, пойду ли я на концерт или буду слоняться по всем палубам, делая вид, что это очень важное занятие.

– А где это? – спросила я, и он охотно объяснил, что в кинозале, и вести его будет маленький ансамбль, репертуар у них определяется наличием музыкального инструмента в виде гармонии, но что поделаешь, не звать же целую капеллу.

Я решила, что пойду – погода пасмурная, хоть по радио и обещали солнце, но пока загорать нельзя, а до следующего пункта еще плыть и плыть.

5. Боцман как кандидат в любовники

К началу концерта я опоздала, так как решила послушать новости по радио, где включили какую – то областную станцию. Так что к моему приходу зал уже был полон, но Капитолина, оказывается, заняла мне местечко в предпоследнем ряду у прохода. Концерт вели муж и жена, заслуженные артисты, подрабатывающие летом в круизах, он играл на гармонии, а она пела, истекая потом в концертном русском наряде. Им бурно аплодировали после каждого номера: народ явно соскучился по культурной жизни, даже студентки были тут, правда, они много хихикали, видимо, народные песни им были в диковину. Девчонки успели загореть, а парни везде ходили в шортах. Потом у гармониста оторвалась ляпка гармонии, он стал читать стихи. Тут мне стало скучно, и я пошла на выход, а выйдя, обнаружила, что Капитолина последовала за мной. На этот раз, впервые обратила я внимание на ее наряд – на ней было сиреневое платье.

– Ничего, если я с тобой побуду?

На пустой палубе мы облокотясь на поручни, смотрели на пенистый след, оставляемый нашим теплоходом. После продолжительного молчания моя новая подруга начала атаку:

– Слушай, а кто этот твой бывший?

Я промычала что-то неопределенное, но она не отставала:

– Вы что, поссорились? Почему вы с ним не общаетесь?

– Да, поссорились, и очень сильно. Но мне кажется, что это дело касается только двоих.

– А кто это? Не подумай, я лезу в личную жизнь только потому, чтобы случайно с твоим не закрутить роман.

И чего это она пыталась изобразить из себя пожирательницу мужских сердец?

– Не могу сказать, – серьезным тоном сказала я. – Речь идет о репутации очень уважаемого человека. Мне – то кто, я никто, но он – другое дело.

– Однако, – с пафосом сказала Капа, – вычислить вас тут, на теплоходе, любой сумеет.

– Да ну? – с сарказмом произнесла я. – Сто с лишним человек, тебе не кажется...?

– Не сто, а восемьдесят, пароход после реконструкции, цены у них высокие, и соответственно недобор пассажиров, – снисходительным тоном взрослого, объясняющего недорослю жизненные законы, сказала Капитолина.

– Даже? Какие еще вычисления ты сделала?

– Одна семья – священник с женой, он отпадает. Полная дама с худым мужем – тоже, уж очень он ее обожает. Вообще семьи надо отбросить. Остается не так уж много одиночек. Надеюсь, это не инвалид с палкой, что за твоим столиком тебе горчицу передает?

– Да, это он.

– Да ты что? – она залилась смехом. – Ценю твое чувство юмора.

Сама же первая мне старика предложила, а теперь издевается!

– Не забывай, за моим столиком еще очень даже симпатичный молодой человек сидит, и он передает мне салфетки и солонку.

– Это который рядом с юной красавицей? Так они молодожены, я сама видела, их на вокзале мама, папа и две бабушки провожали! А в Плесе они купили огромную картину для своего семейного гнездышка. Подожди, подожди... Знаю! Это наверняка мужчина в с баками.

У меня буквально язык отнялся от возмущения. Кого она мне в любовники навязывает! Капитолина имела в виду того самого пассажира, чья жена лила слезы на речном вокзале, провожая любимого муженька. Того самого, с баками и в белых штанах, что всех отпихивал своим зонтиком в Павлове.

Лучше бы я не врала. Теперь она будет считать этого "бакинца" моим любовником.

– Это который? Знать не знаю.

– Николай Дормидонтович.

– Ладно, пусть будет он, – я постаралась отшутиться.

– Может, если у вас с ним роман окончен, ты мне его отдашь? – не унималась Капитолина.

– Да хоть сейчас. Только это не он.

– Тогда, извини, остается кто-то из команды. Кто, признавайся!

Тут на меня напал смех. Капа сначала растерянно смотрела, потом тоже начала смеяться. А меня просто скрючило. Наконец я смогла произнести:

– Бо –бо –боцман!

Мы еще пошутили и посмеялись, я от Николая Дормидонтовича яростно отрещивалась, но она мне, похоже, не поверила. Как обидно! Но как же интересно было интриговать! Может, это Капа ходила мимо моей каюты ночью по коридору, надеясь услышать страстные стоны. Ну и женщина! В нее стреляли, на нее охотятся, а ей все как с гуся вода. Честно говоря, это назойливое любопытство просто раздражало. Сомневаюсь, что она поверила в навязанного Николая Дормидонтовича, а уж в боцмана и подавно. Надо что-то предпринять. Она не успокоится. И какой черт дернул меня за язык, ссылка на любовника была просто глупой! Правду говорила

мне Алина: Тебе, Карпова, надо до ста считать, прежде чем что-то ляпать. И Алина права. Дура я, дура! Не могла что-нибудь другое выдумать! А зачем, собственно говоря, я должна была изобретать предлог, чтобы отвязаться от попутчицы? Надо было просто послать ее куда подальше. Есть такие люди – раз пожалеешь их, потом всю жизнь жалеть будешь. Только не того человека, а себя. Эти вампиры так присосутся, что не отвяжешься. А играют они на нашем извечном страхе обидеть человека. Нет, все – таки я не такая глупая, какой меня всегда считала Алина. И прямо об этом говорила, задумчиво глядя на меня: И в кого ты, Карпова, такая глупышка? Мама у тебя с высшим гуманитарным дипломом, бабушка бухгалтер, а ты ни в мать, ни в отца. А у меня? Мама с папой всю жизнь по складам, и ничего. Тут, рыба моя золотая, генетическое разнообразие вступает в действие. Не спрашивай, что это такое, долго объяснять. Но знаешь, Ульянка, мне кажется, тут твоя роковая фамилия сыграла роль. Помню, я тогда не на шутку обиделась, но в драку не полезла. Надеялась обскакать подругу на личном фронте, ведь в смысле внешности шансы у нас были равны, а я тогда в хирургии работала, и мужиков было пруд пруди, и каждый мне глазки строил. Да, не вышло, все травмированные оказывались либо с внутренним дефектом в виде подсаженной печени, либо внешним – то есть женатыми и с детьми. Но что мужиков прет на дежурных медсестер, я усвоила на всю жизнь. А потом их забирали любящие женушки, и больно было смотреть на этих неудачников.

– О чем задумалась, красавица? Может, о боцмане, признайся, задел за живое?

Капа не уставала шутить про боцмана, и я с трудом отвязалась от нее, сказав, что пойду загорать и мне надо переодеться. В своей каюте я надела купальник, накинула пляжный халатик и направилась на шлюпочную палубу, где стояли стулья и лежали деревянные поддоны для загорания. Как будто дождавшись моего появления, выглянуло и начало жарить долгожданное солнышко. Из – за концерта никого не было, кроме мужчины с трубкой, соседа Капы по столику. Он в гордом одиночестве сидел у борта справа и казался философом, обдумывающим трактат о суете жизни. И что только такие делают в круизах? Небось, скучает, бедолага. Я решила наладить контакт.

– Вы не знаете, где тут душ? – подошла я к нему с идиотским вопросом. Идиотским потому, что кабинка была прямо за его спиной, куда он и ткнул своей паршивой трубкой, даже не взглянув на меня. И тут я увидела, что по трапу медленно поднимается Капа, и пошла ва – банк.

– Ой, голова кружится, – приглушенно вскрикнула я и опустилась прямо к нему на колени.

Сквозь неплотно прикрытые веки я увидела, как Капа повернула голову и увидела эту чувственную сцену: я на коленях у интересного мужчины, голова на его плече, вся млею от вновь пробудившейся страсти, которая охватила меня при этой случайной, но такой роковой встрече на теплоходе. Однако долго задерживаться на неприветливых коленях не стоило – он мог запросто меня скинуть или потребовать более удовлетворительного повода, чем головокружение.

– Ради бога, извините.

Я вскочила и побежала к своему лежаку, плюхнулась на его жесткие ребра и, сгорая от стыда, спрятала лицо. Когда же спустя минуту осмелилась поднять голову, кислой Капы я не увидела, а мужчина все так же невозмутимо курил свою трубку. Вот сволочь бесчувственная! Хорошо, что никто кроме шпионки, не лицезрел позорную сцену усаживания на колени. Однако какой он плотненький! Может, все – таки стоит закрутить романчик? Но не в моих правилах вешаться мужикам на шею, а тот прыжок на него был вызван необходимостью. И что только он подумал про меня? Наверное, какой-нибудь ужас. Я опять взглянула на него. Он все так же сидел со своей трубкой – как изваяние, сидячий великан острова Пасхи, загадочный и непостижимый. Мы были на верхней палубе уже не одни, пришли студенты, шумно уселись на лежаки, и начали игру в карты. Потом повалили дамы разной комплекции, но в основном,

конечно, полные. Однако если я не перестану есть каши на завтрак, то обзаведусь животиком, который будет трудно согнать. Конечно, экскурсии предусмотрены пешие, и часто приходится лазать по крутым горкам, но даже такие горки, как в Константиново или в Касимове, не могут сжечь все калории трехразового питания. Представив, как после этого отпуска я приду в офис поправившаяся на десять кило, я содрогнулась и тут же дала себе слово ограничивать рацион. А Родион Петрович, интересно, он бы заметил, что я поправилась? Вряд ли. А вдруг? И тогда я окончательно упаду в его глазах. Нет, больше не ем. Или устроить разгрузочный день? Хотя глупо не есть то, за что заплатил деньги. Но надо быть сильнее этих соображений. Это пусть Капа ест все подряд. Может, пересесть за их столик – у них не полный комплект – двое за одним столиком, а нас четверо теснится! И отдавать ей свои блюда под предлогом того, что у меня в желудке шарик против переедания. Да, но что тогда подумает старина Хем? Что я его преследую. Нет уж, буду гордо держаться на расстоянии. Кстати, что он поделывает? Ушел, оставив трубку на сиденье. Батюшки, да у нас склероз!

А это что за двое мужчин стоят ближе к трапу, откровенно разглядывая загорающих женщин? Раньше я их вроде не видела. Оба такие все из себя накачанные, мордovorоты, другого слова не подберешь. Наверное, сели на одной из пристаней – этих типов я точно заприметила бы, если бы они плыли с самой Москвы. Не потому, что они интересные, а потому что не того коленкора, вроде Алинки, вздумай она так путешествовать. Есть люди, которые не должны появляться в неподходящих местах. Для этих самым хорошим местом было бы казино, вот там они бы смотрелись, а здесь – нет. Кто ж такие? Не те ли самые, что пасли Капитолину? Но тех я видела только со спины, да еще голос одного слышала, так что если хочу удостовериться, то надо их подойти поближе и послушать голоса и посмотреть спины. Я поднялась и продефилировала через всю открытую палубу, чувствуя, как спину почище горячего солнца прожигают завистливые женские взгляды. Еще бы! Фигура у меня пока еще ничего. Амбалы смотрели на меня, разинув рты и, как назло, молчали. Что было делать?

– Не скажите, который час? – томно спросила я их, обалдевших. Один сказал, ослабившись:

– Столько же, сколько на ваших.

– А – аа. Ой, я же при часах! А не скажете, когда мы будем в Нижнем Новгороде?

Мне очень хотелось услышать голос второго, поэтому я посмотрела ему прямо в глаза.

– Будем, будем, – сказал первый.

Я уже была почти уверена, что это они, те самые, с пристани. Для окончательного удостоверения мне нужно было посмотреть на них сзади, и я обошла их кругом, внимательно рассматривая. Качки поворачивали крепкие шеи вслед за мной, как заведенные, но я увидела все, что хотела. Это были они! Я узнала их по затылкам. Плохо дело для Капы, надо будет ее предупредить.

И тут я увидела, что из открытой душевой кабинки на сцену опознания взирает «Хемингуэй». Вид у него был настолько ошарашенный, что меня бросило в краску. И правда – хорошо же я выгляжу – со стороны это откровенная попытка завязать знакомство. Я развернулась и неторопливой походкой направилась вниз. О том, что я топлесс, вспомнила только тогда, когда встретила батюшку, тащившего на руках чье – то малолетнее чадо. «Свят, свят, свят» – перекрестился батюшка. Оставалось держать хорошую мину при игре, в которой масть была плохая – так и пошла я в свою каюту с гордым видом, не обращая ни на кого внимания, благо, идти было недалеко – мимо трех дверей. Встретился еще только судовой доктор. Он присвистнул мне вслед. В каюте зеркало отразило помидорного цвета лицо. Подумаешь, делов – то! Ну, примут за известно кого, так через пять дней мы сойдем с теплохода и я никогда больше не увижу этих людей!

Слабое утешение.

6. Рулон и доктор

– А ты уверена, что это они? – голос у Капы был недоверчивый. – Не ошибаешься? Знаешь, я подумала и решила, что я ни для кого не представляю настолько напряженного интереса, чтобы за мной следить. И тем более на меня охотиться. Кто я такая? Скромная служащая. Очень скромная. Настолько скромная...

– А наследство? – не отставала я. – Разве это не исключено?

– Ну, не знаю. У меня есть тетка в Сибири, у нее дом, и есть сын, и если она умрет, то дом достанется ему. Честно говоря, я с ними не общалась уже лет пятнадцать, – призналась Капа.

Я посмотрела на нее мельком, но внимательно, и решила – врет, как пить дать. что-то скрывает, не договаривает.

Наш разговор происходил в баре, она курила одну сигарету за другой, а я это терпеливо сносила. Играла цветомузыка, потихоньку стягивался народ, чтобы потратить кровно заработанные денежки на весьма дорогие напитки.

– Слышала новость? – Капа заговорщицки придвинулась ко мне. – Николай Дормидонтович закрутил интрижку с Людмилой. Говорят, она с одного круиза на другой кочует. Только что с Валаама, и сразу на эту московскую кругосветку.

– Ты откуда знаешь?

– На дискотеку надо ходить! – воскликнула Капа и наклонилась ближе, и голос понизила до шепота. – Вчера он ее три раза на медленный танец приглашал. Она такая пухленькая, в кудряшках.

Я вспомнила, как жена Николая Дормидонтовича провожала его на Речном вокзале. Была она женщиной солидной комплекции и смотрелась весьма достойно. Я никогда не буду так вот солидно выглядеть даже в пятьдесят. Очень надеюсь. Оказывается, не одна я наблюдала трогательное прощание.

– У него такая любящая жена. Нет, ты подумай! – осудила Капитолина поведение попутчика.

Потом мы опять вернулись к теме амбалов. Капа уверяла меня в своей полной безотносительности к происходящим событиям, и я, наконец, задумалась о том, не имеют ли эти события отношение к моей скромной особе. Эдик, как всякий, кто занимается прибыльным бизнесом, имеет врагов. Покушение на него наводило на самые невеселые предположения. И это их с Алиной расставание – оно подозрительное какое – то. А может, она что-то у него стащила и попросила меня это спрятать? А Эдик приставил амбалов, чтобы это “что – то” отнять. Что же может быть в том рулоне?

– Сейчас вернусь, ты поскучай немного, – сказала я Капе и вихрем помчалась в свою каюту. В ту минуту мне казалось, что вскрыть бумажный сверток было вопросом жизненной важности. Я ругала себя за то, что опрометчиво повелась на халявный тур, и согласилась выполнить сомнительное поручение. Срочно вскрыть! и пусть Алинка на себя пеняет, если там что – то, что принадлежит Эдику! А может, она специально меня подставляет, чтобы я не вернулась теперь к нему, когда они расстались?

Я так неслась, что два раза чуть не упала и один раз врезалась в человека, даже не поняв, это пассажир или член экипажа, и только успев сказать "Извините, я тороплюсь", схватила ключ от моей каюты, протянутый мне дежурной и не слушая то, что она хотела мне рассказать. Это была самая разговорчивая вахтенная, и ответить ей значило увязнуть в разговоре минут на пять, как минимум. Ткнув ключом в замок, я обреченно вздохнула. Как всегда, когда торопишься, ничего не получается! Ключ почему – то не входил в скважину. Я со злостью пнула дверь ногой. И тут внутри послышался какой-то шумок. Я забарабанила в дверь:

– Кто там! Откройте!

Никто, разумеется, не открыл, и я кинулась на вахту.

– Что случилось? – спросила меня вахтенная.

– Дверь не могу открыть, – сказала я, с трудом переводя дыхание. – Дайте другой ключ.

Она пошла со мной и без труда открыла дверь моим же ключом. Поблагодарив ее и дождавшись, пока уйдет, я внимательно осмотрела каюту. Следы обыска были – кто-то слазил под матрац, об этом свидетельствовала легкая припухлость покрывала. Сумка стояла в шкафчике, молния застегнута, до конца. Помнится, я закрывала до упора. Рулон был на месте.

Но вскрыть его у меня рука так и не поднялась. Я поняла: пакет надо перепрятать, иначе тот, кто шарил в каюте, вернется, чтобы доделать то, что не успел, вспугнутый моими стуками и криками. И заодно может прикончить меня.

Хотя это все могло быть плодом моего воображения, или... это просто корабельный жулик.

Я села и постепенно стала успокаиваться. Да кому я нужна! Вечно забью себе голову всякой воображаемой опасностью. Я вытянулась на узком ложе, закинула руки за голову и постаралась расслабиться. И все же хорошо, что я везде таскаю с собой все ценное, включая кошелек и дорогой мобильный телефон. Проверка показала, что он не так часто нуждается в зарядке, как мой старый, который к вечеру обычно разряжается. Вот Алинка пусть помучается с ним, ведь денег у нее на новый сейчас может и не быть. Надо посмотреть ее фотки. Найдя папку с фотками, я стала листать альбом. Ага, вот и Эдик, и неплохо выглядит, и везде рядом с ним она, и еще много селфи, и смотреть на них мне больно и обидно. А вот и мои фотографии. Я тоже неплохо провожу время, и нащелкала попутчиков. В моем альбоме, названном «Круиз», помимо тех снимков, что я показывала старичку – инвалиду, уже есть снимок Капы, очень забавный, где она нюхает какой – то желтенький цветочек, есть фото курильщика трубки и Николая Дормидонтовича, на мероприятии «Угадай песню». Да я почти всех наснимала, только капитана никак, потому что он не крутится перед глазами. Только на крупных пристанях он стоит у трапа в белой форме, а так здесь почему – то никто не носит форму, и матросы бегают по средней палубе в шлепанцах и застиранных футболках. Зато не пьют, а Людочка, Николай Дормидонтовича пассия, рассказывала всем, что на северном направлении ни одного трезвого матроса она не видела.

Если на судне жулик, то на всякий пожарный рулончик надо положить в более надежное место. Но куда? Пока пусть он будет при мне. Нет, я молодец, что не поддаюсь искушению и не вскрыла его, но оставлять здесь чревато последствиями. Пойдем со мной, дружок! Я сунула рулон под пояс бермуд и вышла, закрыв для верности окно в каюте. Подергала дверь – заперта она была надежно, ключ работал исправно. Я осмотрелась. По коридору шел судовой доктор, весело насвистывая. И тут мне в голову пришла, как показалось вначале, гениальная идея – спрятать рулон в каюте доктора, где его никто искать не будет. Повернувшись, я последовала за ним, убедившись, что больше в коридоре никого нет. Он вошел в свой номер, и спустя минуту я тихонько постучалась.

– Что случилось? – поинтересовался доктор. – Вы заболели?

– Доктор, у меня это, – пролопотала я и упала прямо на его постель.

Он кинулся за водой. Пока он стоял ко мне спиной, наливая воду в стакан, я попыталась сунуть конверт ему под матрац в изголовье. Согласна, это было непорядочно, но иначе поступить было нельзя, ведь какой дурак согласился бы на просьбу спрятать у себя что-то сомнительное. Но сделать это мне все равно не удалось, потому что времени было слишком мало.

Доктор очень быстро раскрыл факт симуляции, стоило ему взять меня за руку и пощупать пульс.

– И что все это значит? – спросил он и улыбнулся. – Так что это у вас такое?

– Где? – испугалась я, подумав, что он видел рулон, который я опять сунула под пояс.

– «Это». Вы же сказали – у меня «это».

– Слабость.

– И часто?

Он многозначительно улыбнулся.

– Иногда

Я резко села, выхватила у него из руки стакан и залпом опрокинула в рот его содержимое.

– Ну –ну, – не поверил он. – У вас это, говорят, частенько случается.

– Кто говорит?

– Люди говорят! – жестко сказал он.

– А тут есть люди?

– Вот что, милая девушка, я тут с женой работаю и скандал мне ни к чему. Так что идите себе, откуда пришли. Марш отсюда, – прибавил он тихо, но с угрозой, сопровождая эти унижительные слова распахиванием двери. Мимо, как назло, шествовал "трубочник", а чуть подальше с полотенцем на голове, явно из душевой, плыла особа, которую я раньше не раз видела с доктором.

Эскулап деловито произнес мне в след:

– Три раза вечером и три утром.

От испуга при виде супруги он сильно преувеличил дозу того лекарства, которое якобы мне выдал. Это при том, что стеклянная аптечка, как я заметила, служила приютом одинокого пузырька с йодом, коробки ушных палочек, упаковки нашатыря и пачки бинта. Может, говоря «три раза», он имел в виду нечто совсем другое? На что этот мерзкий тип намекает? Его жена прошла, задев меня мощным боком, причем сделала это явно специально, судя по тому грохоту, с которым за ней захлопнулась дверь докторской каюты. Стоило бы послушать милую семейную сценку из жизни судового врача, но я не стала задерживаться.

7. Первый труп

Все с тем же рулоном, спрятанным под поясом, я послонялась по палубам. Было десять ночи, темно. Теплоход мчался на всех парах, разрезая воду и оставляя позади расходящийся пенный след. На корме верхней палубы играла музыка. На носу, в музыкальном салоне, шла карточная игра. Играли четверо – два «крутых», «Хемингуэй» и кто-то из пассажиров. Амбалы были надежно пристроены. Знают, что здесь их подопечная, никуда не денется. И чего притворяться перед собой – это за моим рулоном они охотятся. Как бы удрать? Может, сигануть через борт? Однако берег терялся где –то за горизонтом. Можно, конечно, доплыть, но вдруг ногу сведет? Да и плаваю я не очень хорошо. Зависнешь на бакене и будешь ждать, когда с проходящего плавсредства заметят. И хорошо, если это будет четырехпалубник, а если баржа, груженная песком? В конечном итоге опять окажешься на теплоходе, вся в песке и еще более обесславленная. А доктор решит, что это от безответной страсти к нему я бросилась в мутное водохранилище. А его жена скажет: жалко, не утонула эта проклятая эротоманка. За спиной будут тыкать пальцем толстые матроны, на экскурсиях придется держаться в сторонке, чтобы люди от меня не шарахались. А крепыш напишет роман «По ком звонил судовой колокол», но имя – фамилию изменит, характер углубит, внешность тоже будет не моя, сама себя не узнаешь. Или еще хуже: объектом страсти сделает себя? Нет, не нужна мне такая слава! Да и рулон проклятый размокнет, останется один сургуч. Аalinka меня убьет.

Я отошла от борта со вздохом печали и разочарования. Возвращаться к Капитолине не хотелось. Не пора ли совершить обзорную экскурсию вниз, ведь я там еще не была? Может, найду, куда засунуть проклятый рулон, а то он скоро пропитается моим потом и чего доброго, расклеится. Доказывай потом, что я не совала в него нос.

Внизу урчало, гудело, шумело, коридор был узенький, извилистый и темный. Некоторые двери были открыты, из них падали полосы света и доносились обрывки разговоров. Темно и тесно, но, похоже, весело. Каюты экипажа и обслуживающего персонала, потом несколько

пассажирских, без табличек. А, ничего интересного и рулон спрятать негде. Отдать на хранение? И тут мне в голову наконец пришло настолько простое решение, что я просто диву далась, почему не додумалась до этого раньше.

Массовик – затейница открыла на мой вежливый стук. Она была в компании женщины, от которой пахло кухней, но та сразу ушла, захватив какую –то бумажку.

– Вы хотите отдать на хранение документы? – удивилась она. – Конечно, можно. Только сейф у меня небольшой.

Я вытащила из –за пояса рулон. Затейница повернулась, чтобы пристроить в уголке сейфа мои «секретные материалы», а мне в глаза бросился лежащий на столике листок, на котором сверху было написано от руки «Меню». Машинально взяв его в руки, я успела прочитать некоторые блюда, среди которых, в частности, было мясо по-мексикански, икра красная, минеральная вода, ананасы и персики. Мороженое, вот это да! Однако здорово нас собираются потчевать завтра. Может, у кого день рождения? Может, праздник Нептуна в честь пересечения какого-нибудь экватора местного значения? Придется мне покушать на завтрак икру, и да здравствуют лишних полкило!

Опасный груз был спрятан в сейф, и с моей души свалился камень. В самом веселом расположении духа я вернулась в шумный бар, где Капа уже сидела в компании Николая Дормидонтовича, косточки которого мы не далее как полчаса тому назад перемывали. Он галантно привстал при моем появлении.

– А что же вы не на дискотеке? – поинтересовалась я, беря свой бокал.

– Еще не вечер, – философски заметил ловелас. Но я поняла, в чем дело, когда мимо с гордым видом проплыла кудрявая Людочка, даже не покосившись в нашу сторону. Никак, поссорились голубки? Мы с Капой понимающе переглянулись.

«Не вечер» покатился по накатанной колее. Капа всю оттягивалась, залившимся смехом приветствуя каждый рассказанный Николаем Дормидонтовичем анекдот, хотя глазки этот сморщенный петушок, насколько можно было судить в свете мечущихся цветных полос, строил вовсе не ей. И коленкой под столом прикасался не к ней, хотя кто его знает. Колен – то у него два, может, он умудрялся ими на два фронта работать. Под воздействием алкоголя и общества двух очаровательных нас этот дамский угодник напрочь забыл и про дискотеку, и про Людочку. Он все пытался взять мой бокал, говоря:

– Хочу узнать ваши тайные мысли, вы не против? Если отпить глоток из чужого бокала, то все тайное станет явным.

Я была против и со смехом отбирала, говоря, что это негигиенично.

– Неужели у вас такие нечистые мысли? – каламбурил ловелас.

Потом он расщедрился и заказал коньяк на всех. Маленький бар был полон, но не разобрать было, кто с кем сидит за столиками, народ приходил и уходил, а мы все пили.

– Кажется, качка усиливается, – сказала Капа. Качка если и была, то у нее в голове. За все время плавания качнуло пару раз, да и то на поворотах.

– А вы чем занимаетесь, милая Ульяна? – спросил Николай Дормидонтович.

“Сижу и пью шампанское”, – хотела я сказать, но догадалась, что он имел в виду род деятельности.

– Работаю в фирме по заправке картриджей, – соврала я. – А вы на пенсии?

Мой бестактный вопрос привел его в негодование. Это было видно несмотря на то, что его лицо меняло цвет от цветомузыки: он засветился желтым светом, потом красным, потом зеленым, потом в полосочку.

– Я отец банкира, – не выдержал он унижения и раскололся. – Сейчас путешествую инкогнито.

– Инкогнито – это когда без семьи? – не удержалась я от колкости, потому что испугалась, что он пустит в ход распоясавшиеся руки в добавление своей левой ноги, от которой я уже устала отодвигаться.

– Это без имени, – доверительно просветил мое невежество Николай Дормидонтович.

– Без имени и в общем без судьбы! – пропела Капа и снова уронила голову на стол. Как это ее так развезло от пары – тройки бокалов?

– Скажу вам больше, милая Ульяна, – он наклонился ко мне и стал шептать, хотя, учитывая музыку, это было излишне. Его шепот поведал мне, что он совершает турне с целью налаживания партийных контактов с регионами, потому что сын – банкир хочет финансировать своих будущих ставленников в думу, а может, и повыше. Увлечшись откровениями, он забыл про колено, и я смогла, наконец, вытянуть уставшую ногу, но при этом нечаянно пнула Капу, и та проснулась.

– Ищите! – потребовала она, и Николай Дормидонтович с готовностью разлил остатки коньяка в рюмки. Но выпить мы не успели.

Раздался крик:

– Тревога! Все на палубу!

Пассажиры, толкаясь, зашпешили наружу. Капа моментально очухалась, и мы тоже выскочили, вертя головами и ничего не понимая.

– Что случилось? – спрашивали все друг у друга. На корме, где шла дискотека, смолкла музыка. Пока разобрались, что к чему, прошло минут десять, и паника сменилась разочарованием – оказалось, кто-то пошутил, дав сигнал тревоги. Мы вернулись в бар. Снова заиграла цветомузыка.

– За жизнь! – провозгласил Николай Дормидонтович, и мы дружно подняли бокалы и чокнулись. Мужчина сделал глоток и отвел бокал от губ, с каким – то удивлением глядя на него, и вдруг стал заваливаться на бок, вытаращив глаза. Его губы пытались что-то произнести. Капа закричала, я пыталась его удержать, но он упал, едва не опрокинув столик. Капины вопли кто-то подхватил, может, это была я. Зажегся верхний свет, и к нам кинулись люди. Все стояли, глядя на лежащее на полу тело. Побежали за доктором. Он появился, как мне показалось, спустя вечность. Вид у него был заспанный, положенного медицинского саквояжа не было. Он повернул тело на спину, пощупал пульс на шее, оттянул веко, поднялся и сказал, ни на кого не глядя:

– Инфаркт миокарда. Летальный исход. Унесите его, – обратился он к матросам.

Спустя пять минут бар опустел.

– Повеселились, называется!

Капа посмотрела на меня широко раскрытыми глазами, в которых метался ужас.

– Да уж, не стоило ему вести столь активный образ жизни, – буркнула я.

– Непонятно, он на вид так хорошо себя чувствовал, – не унималась Капитолина. – На дискотеку собирался, бедняга.

Она заплакала пьяными слезами, размазывая их по щекам, утратив свою годами нарабатанную интеллигентность. Я с трудом уговорила ее пойти в свою каюту, мне пришлось едва ли не тащить ее на себе. Она плюхнулась на койку и тут же отключилась. А я вернулась в пустой бар. Действительно, ничто, как говорится, не предвещало. Странная смерть. Может, это от некачественного коньяка? Я наклонилась и взяла осколок разбитого бокала. Понюхала. Он пах клопами, как положено, но к этому запаху примешивался легкий запах миндаля. Николай Дормидонтович был отравлен!

8. Тебе конец

Я сидела в темной каюте и тряслась от страха. У меня сразу возникло сильное подозрение, что это меня пытались отравить. Убийца в темноте перепутал наши бокалы. Это я должна лежать холодным трупом где – то в холодильнике. От этой мысли меня прошиб пот. Музыка не было слышно, дискотеку, слава Богу, прекратили. Было уже за полночь. В открытое окно через жалюзи проникал легкий ветерок. Я потянулась и закрыла окно, легла, попыталась уснуть, но не смогла. Поворочавшись, я все – таки рискнула включить настольную лампу и вдруг заметила маленькую бумажку, лежавшую на столике. Схватив ее, я прочитала слова, написанные печатными буквами: «Тебе конец. Ты труп».

После этого пытаться заснуть было не только безнадежно, но и верхом глупости. Эти окна легко можно было открыть при желании – стоило лишь как следует потянуть с палубы. Конечно, маловероятно, что это не вызовет шума – я ведь могу так разорваться, что чертям тошно станет. А вдруг мне успели добавить снотворное? Нет, тогда бы я уже спала сном праведницы. К тому же из двух средств убийцы обычно выбирают наиболее сильнодействующее. Я попыталась вспомнить, не мелькали ли амбалы в баре, но, как ни старалась, мозг отказывался работать. А еще говорят о его, мозга, неисчерпаемых возможностях! Хотя, может, амбалы мирно играли в карты в компании крепыша с трубкой? А может, Николай Дормидонтович сам себя порешил – судя по его поведению, у него с Людочкой могла произойти размолвка. Может, она ему отказала в интимной близости и он решил попытать счастья с другими? Но мы с Капой тоже его, надо понимать, отвергли. Пить за его счет наглости хватило, а дальше ни – ни. Вот и напала депрессия.

Нет, слишком он казался удивленным... даже после смерти. К тому же он выполнял важную миссию – налаживание контактов олигарха-сына с провинцией. И был жизнелюб и изрядный позер – задумав уйти, он сделал бы это более красиво и трагично. Например, хорошо броситься в воду с криком: «Я люблю вас, Людочка, но у меня жена и взрослая дочь, они не поймут, прощайте, незабываемая!» Хотя в воду тоже банально, и к тому же его бы быстренько вытащили, оглушив сначала по голове спасательным кругом. Я вспомнила мечеть в Касимове, очень высокую, и внизу каменистая мостовая. Вот откуда хороша падать. Бр-рр. Его неудача с Людочкой, после которой он атаковал меня коленкой, случилась, вероятно, нынче вечером. А веселье в расчет не принимается – люди могут веселиться, а потом вешаются. В общем, не знаю, но вряд ли это самоубийство. Нет, это меня хотели отравить! Это я должна была завалиться на пол с удивленно раскрытыми глазами! Только вот убийца не рассчитал, что бокал и его содержимое попадут не к тому адресату.

Послышался какой – то звук от двери, будто кошка поскреблась. Резко сев, я включила лампу. Если уж суждено погибнуть, то с открытым забралом. Нет, убийца не сможет нанести удар скрытно. Он будет всю оставшуюся жалкую свою жизнь помнить мой взгляд безвинной жертвы и слетевшее с бледнеющих губ: «За что?» Главное, успеть посмотреть ему в глаза. Ручка слегка повернулась. Да что это я сижу, как приговоренная! Не буду открывать, я жить хочу!

– Ты слышал? Там кто-то есть, за дверью, или мне кажется?

Я задала эти вопросы воображаемому мужчине, который гипотетически вполне мог находиться у меня в каюте. Черт, да где же на этом проклятом теплоходе мужика взять? Ладно, гипотетически это может быть тот же доктор, или боцман, хоть он и шупловат немного. Ладно, пусть будет боцман!

– Кто-то хочет войти. Черт знает что такое у вас на теплоходе творится. Не вставай, дорогой, я сама разберусь.

И громко так:

– Кто там?

Тишина была мне ответом. Я бесшумно встала, подошла к двери и прислушалась. Открыть и посмотреть? Страшно. Но нужно же узнать, кто меня преследует! Я быстро надела

шорты и футболку, затем потянула раму вниз, встала на столик и, используя все имеющиеся у себя акробатические способности, выбралась из каюты через окно. Не скажу, что приземление было идеальным, но кости остались целыми, хотя некоторый грохот мое тело произвело, прихватив по дороге пластмассовый стул, стоящий рядом с окном. Потирая ушибленное бедро, я заспешила к проходу в центре палубы, надеясь засечь убийцу. Прежде чем войти во внутреннее помещение корабля, осторожно посмотрела по сторонам, но на этой стороне палубы никого не было видно. Холл также был пуст.

На что, я, собственно говоря, надеялась? Что киллер будет меня дожидаться? Хотя с него станется. Может, он хочет сделать все по – тихому, вот и ушел, тем более, что здесь коридор раздваивается, уйти можно при желании на палубу, оттуда до следующего прохода и вниз по трапу на нижнюю палубу. Правая палуба, куда я метнулась, отнюдь не была пустой, парочка молодоженов, мои соседи по столику, стояли, нежно обнявшись, у трапа и глядели на звезды. В другом конце, у носа, в свете освещенного окна мелькнули два знакомых женских силуэта – я уже запомнила этих дам, потому что они всегда перед сном гуляли кругами по всей длине теплохода. Я двинулась в том направлении, и пришла к носу судна. Здесь тоже кто-то взирал на звезды. Ба, да это же Хемингуэй!

– Вы никого не видели? – робко спросила я, приблизившись. Он посмотрел как – то нехотя, словно я была мухой, кружащейся над тухлым мясом, и ответил:

– Нет. А кого я должен был видеть, милая дамочка?

Я решила не показывать виду, как меня уязвила эта грубость, и встала рядом. У него в руке появилась неизменная трубка, но он, чиркнув спичкой, не стал ее запаливать, а бросил спичку вниз, в черную воду.

– Засоряете, однако, водный бассейн, – ехидно сказала я.

– Засоряю, – с вздохом согласился он. От него шло тепло, и я вспомнила, как уютно мне было тогда у него на коленях, когда он думал, спихнуть меня или подождать развития событий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.